

Юзеф Игнацы Крашевский КНЯЗЬ МИХАИЛ ВИШНЕВЕЦКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

В конце 1668 года, то есть после отъезда из Польши бывшего короля польского Яна Казимира, дворец архиепископа в городе Ловиче стал резиденцией тогдашнего примаса Польши, которому захотелось жить не в захолустном Гнезне, а поближе к столице государства — Варшаве, и в этом дворце стали непрерывно происходить оживленные совещания и многолюдные съезды.

Архиепископ-примас был уверен, что корона Польши у него в руках и что он распорядится ею, как ему вздумается, причем его родные и союзники, думалось ему, должны, конечно получить наиболее крупные выгоды. Интриги французов, начавшиеся еще при жизни Марии-Луизы, покойной супруги Яна Казимира, пережили ее и, очевидно, продолжали давать плоды.

Ян Казимир, которому опостылело уже все, уехал во Францию отдыхать среди веселых аббатов. Он так был весел еще дорогою, что даже в Кракове участвовал в ганцах. Свита его в своей заносчивости дошла до того, что позволила себе бить шляхтичей, но шляхта на это ответила своему

бывшему королю привлечением его к рыцарскому суду и приговорила к лишению чести.

Еще на самом сейме, где происходило отречение Яна Казимира от польской короны, шутники прозвали его господином Снопковским, придравшись к «снопу усов», изображенному на его шведском гербе.

Это роковое отречение от той короны, от которой уже сбежал его предшественник, король Генрих Валерий, из французского дома Валуа, дало лишь новый повод тогдашним острякам изощряться в остроловии. Те грознопророческие и вдохновенно трогательные слова, которыми Ян Казимир попрощался со страной, не смутили, по-видимому, ничьего духа...

Такое уж, видно, было время!.. Сам король, исторгнувший из своего сердца зловещее пророчество Кассандры, бывшее как бы заключительным аккордом обличительных проповедей ксендза Скарги, знаменитого тогда церковного бичевателя нравов, этот самый король беззаботно смеялся уже на другой день, когда стал просто «Господином Снопковским».

Судьба Польши оказалась в руках архиепископа Пражмовского, продавшегося французскому герцогу Кондэ, и гетмана Собесского, женатого на француженке и преданного Франции. Да и вообще, впрочем,

большая часть тогдашней польской аристократии симпатизировала всему французскому.

Ксендз Ольшовский, который заявил отвод против других претендентов на королевскую корону, чтобы поддержать представителя исконного польского королевского рода Пястов, был предметом общих насмешек, как беспомощный интриган, который не имеет никаких шансов повлиять на исход выборов.

Мало кто обращал внимание на то, что, исподволь, рядом с могуществом магнатов выростала новая сила — правда, несформи-ровавшаяся еще, мятущаяся, которая, по видимости, позволяла вертеть и верховодить собою и которую на этом основании прежние господа положения, то есть магнаты, считали даже своим послушным орудием.

К тому времени магнаты и шляхта уже разделилась на два различных лагеря, хотя закон и не делал различия между ними, дав им одинаковые прерогативы. Отличительным признаком каждого из этих двух лагерей был не один лишь вопрос о богатстве или бедности, — скорее их разделили воспитание, нравы, взгляды, даже костюм.

Уже со времени Сигизмунда III кое-кто начал одеваться по западно-европейски, забросив родной национальный костюм. На первый взгляд это не имело никакого значения и являлось мелочью —

вопросом чисто личного вкуса но в жизни людей вообще не бывает явлений, не вытекающих из предыдущего, не имеющих корней в глубоко лежащих причинах, а потому и внешний вид вовсе не является таким безразличным, как это может казаться.

Один уже тот факт, что кто-то решился порвать со своим народом, выделиться из него, Пожелать себе не того же, чего желают «все», и что кому-то больше понравилось нечто другое, чем наследие дедов и прадедов, уж этот факт сам по себе имел громадное значение. Пожелать хотя бы по наружности казаться чужеземцем среди своих — это значит бросить им в лицо обвинение в недостатке вкуса, в захудалости, в косности.

Правда, чужой костюм и язык был внесен в страну самим королевским двором, но у него не хватило бы силы привить все это, если бы верхи общества не бросали легкомысленно все свое ради чужого.

Богатая молодежь, почти вся получавшая свое образование за границею, приводила в свое оправдание, что у чужих культура выше, жизнь приятнее и богаче, и, с точки зрения комфорта, превосходит родную обстановку.

Но с той самой минуты, когда начали говорить, одеваться и развлекаться по-французски и по-немецки, — прежняя Польша была обречена на

смерть.

Вместо того, чтобы собственными силами выработать себе собственную цивилизацию, имеющую местный национальный характер, Польша была вынуждена переродиться и преображаться. Никогда подобный жестокий перелом не происходит без противодействия и страданий. И вот многочисленные ряды шляхты, которая чувствовала себя польскою и хотела такую же остаться, расположилась грозным лагерем против космополитов.

Борьба началась без выставления лозунгов на знаменах; на знаменах было написано нечто другое, но в существе своем она была ничем иным, как борьбою за сохранение нравов и характера нации. К этим национальным чертам принадлежала, конечно, и преувеличенная «свобода», которою пользовались не только ради сохранения ее самой, но и для того, чтобы довести нацию до развала и анархии.

У обеих сторон, как у панов-магнатов, так и у впечатлительной и недисциплинированной шляхты были свои достоинства и свои недостатки, были как хорошие, так и дурные побуждения, но борьба вообще имеет свойство обнажать преимущественно темные стороны, вызывать зло наружу, на поверхность.

В верхних слоях царили: подкуп, деспотизм, продажность; в низших слоях — беспорядочность и

распушенность, необузданная заносчивость и задор.

Шляхта неохотно шла в рядовые при всеобщем ополчении; в сейме депутаты хотели быть наравне с сенаторами; военные заговоры и возмущения не переставая потрясали национальную жизнь; магнаты покупали должности, воевали из-за воеводств и пренебрегали судьбою страны; короли, в конце концов, превратились в наемников.

Ни та, ни другая сторона не скрывали того, что переходило даже от поколения к поколению, как нечто освященное обычаем. Шляхта знала, сколько кто затратил на свое звание, или заплатил за старостство, а магнаты также насквозь видели смутьянов и Катилин.

Но в своих низах эта масса, хотя и неоформленная, страстная, неблагоприятная, имела все-таки то преимущество, что в ней кипение, бури, шум и возмущение происходили во имя какого-нибудь принципа, для защиты какой-нибудь свободы, что там приносили жертвы общему делу, тогда как на верхах царил неприкрытый и даже неприукрашенный эгоизм.

Они игнорировали протесты и оскорбления, которыми их осыпали; они цинично шли своей дорогой, но это бесстыдство вырождало их самих морально. Масса уже тем превосходила верхние слои, что она часто выступала на защиту своих

прав, пешком и с черствыми сухарями, в то время, как высшие паны пировали в знак пренебрежения к большинству.

Царствование Яна Казимира было критическим моментом: в обоих лагерях развивалась распущенность; шляхта подняла голову, подсчитала свои силы, начала роптать, почувствовала себя силой, но, как всякая человеческая масса, она подчинялась тем, кто ей навязал себя в вожди и колебалась постоянно под влиянием веяний минуты.

Несколько вождей двигали областями, призывали к оружию и перебрасывали массы, как игорный мяч.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Если бы кто-нибудь увидел Варшаву в те времена, между сеймами предварительным и избирательным, блестящую, веселую, шумливую, изящную, болтающую по-французски и наводненную такими щегольскими свитами при панах, что их не стыдились даже перед иностранцами, кортежи, сопровождавшие воевод, каштелянов, епископов, — челядь в роскошных цветных ливреях с золотыми галунами, дам с

прическами, в кружевах, атласе, подкрашенных, надушенных, называющих себя именами, взятыми из мифологии или из французских романов; — если бы к этому еще кто-нибудь подслушал жаргон салонов, в которых редко слышался польский язык, тот должен бы был, не колеблясь, заключить, что паны, их могущество, влияние, сила, воля, исключительно определяли всю будущность страны.

Все эти мужчины и дамы до такой степени угодничали перед иностранными государствами, перед королем Франции, императором и князьями Священной Ипері л, перед всеми вообще, кто разбрасывал или сулил деньги, что нельзя было не думать, что предстоящие выборы пройдут согласно воле иностранных держав.

Франция, особенно со времени Марии-Луизы, была в тесных сношениях с Польшей и, так как она хотела подчинить себе Польшу в качестве союзницы против Священной Римской Империи, то ясно было, что Ян Казимир должен был уступить престол никому иному, как французскому герцогу Кондэ...

И все это было так устроено, так рассчитано, так проводилось всевластным примасом, что паны как будто не могли сопротивляться. Будущий король уже имел здесь чуть ли не свой двор: француженок — воспитанниц покойной королевы,

их мужей — блестящих молодых людей, получивших свое образование в Париже... Все это были уже готовые орудия, пружины, помощники и слуги.

Вся эта кампания была совершенно явной, и веселые лица француженок убеждали остальных участников кампании, что успех обеспечен...

Для того кокетливого, элегантного мирка, который подражал Марии-Луизе и хотел владеть мужской половиной так, как она правила Яном Казимиром, — идеалом был Кондэ, рыцарь, красавец, воспитанник самого блестящего двора в Европе, то есть французского... С ним должна была начаться здесь новая жизнь, и в этой новой атмосфере прекрасные воспитанницы королевы, считавшие себя самих полукоролевами, надеялись блистать и властвовать...

Во главе этих красавиц, заранее торжествовавших, стояла прежде любимая Марией-Луизой, чуть не усыновленная ею Мария де ла Гранж д'Аркиан, вдова графа Замойского, а ныне жена Яна Собесского, гетмана, который вместе с примасом, проводил кандидатуру Кондэ.

Жена гетмана была самой яркой звездой на этом полуфранцузском небе, так как она выделялась своей необыкновенной красотой и умела ей пользоваться...

Муж, поклонник женской красоты, был ее

рабом. Его преклонение перед женой приводилось в обществе, как пример образцовой любви...

Рядом с ней было много других красавиц, кокетливых личик и... флирт царил широко и свободно; но это никому не вредило, так как все это прикрывалось весьма изысканными и изящными манерами вельможных пани.

В мире этих дам: Собесской, Радзивиллов, Потоцких, Любо-мирских, Пацев, ни один день не проходил без развлечений, и веселье было доминирующим тоном...

И все, казалось, оправдывало такое настроение... Выборы казались лишь исполнением формальности. Приглашенный уже Кондэ должен был приехать и тогда Польша должна была стать счастливейшей страной.

До такой степени, при наблюдении издалека, исход казался верным и несомненным.

Вакансии уже раздавались заблаговременно... В Ловиче примас Пражмовский принимал ежедневно толпы гостей, которые предлагали ему свои услуги, заручаясь его благосклонностью... Но не везде было так, как в Варшаве и в Ловиче... Почти всякая область имела среди шляхты какого-либо вождя, который давал ей указания и мановением руки вел ее за собой.

В Сандомирском воеводстве, неподалеку от города Сандомира жил в маленькой родовой

деревеньке мосц пан Ириней Пиотровский, герба Сас. Взглянув на него, когда он смешивался с толпою «панов братьев», никто не дал бы ломанного гроша за этого тощего, желтого, сгорбленного, одетого небрежно, почти бедно, тихого и скромно протискивающегося в толпе человека. У Пиотровского не было никакого титула; он был беден, связями не похвалялся, панских порогов не обивал... Между тем в Сандомирском воеводстве никто в общественных вопросах не выступал без Пиотровского. От этой популярности среди шляхты он не получал никакой выгоды, но он знал ей цену и не пренебрегал ею...

Один Бог ведает, что в молодые годы пана Иринейя так повлияло на него; но факт, что он не мог ни видеть, ни переносить панов и магнатов, «желтобрюхих», как он называл их. Это был заклятый их враг, хотя он этой неприязни своей и не обнаруживал, нося ее за пазухой и пуская в ход лишь тогда, когда это было ему нужно.

У Пиотровского было еще одно достоинство, или, если хотите, необычайный недостаток. В ту эпоху непомерной болтливости, когда шляхта посвящала половину своей жизни риторическому спорту, Ириней не часто выступал с речами, не разыгрывал из себя Демосфена... Когда другие слишком долго и без толку болтали, он потирал свою полысевшую голову, дергал их за рукава и

шептал:

— Приходите же к какому-нибудь заключению!..

Его считали опытным и хитрым, — да он и на самом деле был таков; — но и в этом он не искал себе рекламы: напротив, он выдавал себя за простака, человека с душой нараспашку.

Деревушка его, испокон веков принадлежавшая их роду, называлась Сасин-двор и стояла на Висле; в течение полутора часов, он мог на своей лошаденке добраться из дома до Сандомира. Вся его семья состояла из жены, настолько скромной женщины, что чаще всего она ходила с головой, повязанной простым платком, не тротясь на чепчики и заколки; это была трудолюбивая хозяйка, молчаливая, как муж, и у них была единственная дочурка Ягуся, которой тогда было лет пятнадцать.

В те времена ни одна даже самая бедная усадьба не закрывала негостеприимно своих дверей перед гостями; также и Сасин-двор был открыт для всех, но в нем не пировали, потому что Ириней, как он говорил, имел слабую голову, пить не мог, не любил и в пьяном обществе скучать.

Единственной роскошью его «хаты», так называл он свою скромную усадьбу, были книги. Но, не любя хвалиться даже эти я он держал их в своем кабинете и скорее скрывал их, чем хвастался.

Любимым его чтением были римские историки.

Он был таким же хозяином, как и все тогда; он также пользовался, по старым традициям и правилам, услугами управляющего на откуп, но он все-таки лично наблюдал, чтобы ничто в имении не пропадало без пользы, хотя в этом он не обнаруживал особого таланта. Во многих случаях пани Пиотровской приходилось заменять мужа, потому что, когда наступали сеймики, съезд, совещания, сейм, сам Пиотровский считал необходимым отправляться «на службу»... Так он сам обыкновенно называл свои занятия общественными делами.

У своих собратьев, сандомирцев, он пользовался такой сильной репутацией умного политика, что эта слава проникла даже в соседние воеводства. В общем это был тихий и скромный человек. Впрочем, он все же не был мрачным и чересчур серьезным; напротив того, он охотно смеялся и иногда умел очень остроумно пошутить, а когда бывал в ударе, то выражался особенно метко, «по шляхетски», как отзывались слушатели.

Дело было зимой. Санная дорога в этом году установилась поздно, но была так хороша и прочна, что все были рады ей. Пиотровский сидел у камина с Тацитом в руках, как вдруг его жена постучала и тихо сообщила:

— К тебе гости...

Пиотровский положил книгу в шкаф, оправил свой костюм и вошел в гостиную в ту самую минуту, когда огромных размеров, круглый, как бочка, шляхтич, румяный, с седыми усами, развязно смеясь, боком проталкивался в дверь, крича:

— А что? Незваный гость хуже татарина?!

Следом за этим круглым, виднелись двое мужчин значительно меньшего объема, но зато более высокого роста, из которых у одного были светлые, как лен, волосы, а у другого черный чуб и усы, топорщившиеся кверху.

Начались радушные приветствия.

Его мосц, пан Симеон Гарвовский величался каким-то «чашником», светловолосый Ремигиан Звольский — «войским»,¹ а последний, черный и коренастый — заместителем. Все трое были коренные сандомирцы.

Расцеловавшись с ними, Пиотровский усадил их и уверенный, что жена сама знает, что требуется по обычаям гостеприимства насчет водки и закуски, сообразно с порою дня, вдобавок после езды, — не сказал ей ни слова.

Первое место среди гостей занимал не только своей тушей, но и значением, чашник, который все смеялся и побрякивал.

¹ Нечто в роде «повытчика».

— Мы к тебе, любезный Петрусь, — начал он, немного погодя, — как к свету... Кто нам посоветует, кто нас поведет, если не ты?..

Ириной приготовился внимательно, хотя и спокойно, выслушать.

— В чем дело, любезный чашник?

По жесту Гарвовского, который уже умаялся, черноволосый пан заместитель подхватил:

— Само собой понятно... само собой, дорогой сосед, — ведь мы точно под колпаком... Выборы на носу... что же нам нужно делать?..

— Да, перебил чашник, выбрать короля недолго, да как бы не ошибиться, — вот в чем суть! Паны уже все продались разным кандидатам: Кондэ их засыпал золотом... Лотарингский, Нейбургский... шут их знает, как их всех там зовут... Мы о них ничего не знаем! Как бы тут мы, сандомирцы, не оплошали!.. А? Что?

Пиотровский молчал. Тогда светловолосый пан Ремигиан Звольский громко крикнул:

— Что же, нам быть стадом, которое господа пастухи гонят, куда хотят? Это хозяйничанье магнатов уже вот у нас где сидит, — он показал на затылок. — Они опять хотят нам подстроить свои штуки...

— Само собой... — перебил черноволосый.

— Ах, дай же мне досказать, — окрикнул беловолосый, который двигался с какими-то

судорожными подергиваниями.

— Ксендз Олыповский рекомендует нам Пяста, — договорил он, — может быть, это и правильно. Мы захотели было француза, да он удрал... после него пришел трансильванец, взял нас в ежовые рукавицы, ну, зато хоть лихой был вояка; наследовал ему полуягеллон, полушвед, а собственно попросту немец... Этот молился и стонал... ну, и забурило все у нас. Выбрали мы было двух сыновей... Господи, прости нас... При последнем Речь Посполитая чуть не распалась... и этот в конце концов сбросил корону — «*non sum dignus*»,² говорит он, а коли не достоин, так зачем же добивался ее?.. В таком случае что же? Опять а *carite*³ должны будем прививать себе француза?.. Не странное ли это дело, когда какой-нибудь народ выбирает себе в одних чужеземцах, которых сам не знает, и которые его не знают?

Чашник громко рассмеялся:

— Ей Богу, верно говорит!

Они, умолкнув, глядели на Пиотровского, который тоже молчал, но в это время дверь отворилась, и подросток внес бутылки и закуски на

² «Не достоин есмь» (лат.).

³ С баца, с первого слова (лат.).

подносе, покрытом салфеткой.

Вопрос о выборах на время отошел на задний план, так как hora canonica,⁴ мороз, зима, все это заставляло подкрепиться.

Настойка оказалась превосходной. Пиотровский чокнулся с чашником, и рюмка пошла вкруговую. Черноволосый выпил еще раз без приглашения. Опять уселись.

Из груди Гарвовского вылетел сильный вздох, соразмерно его туше.

— Что вы об этом думаете, Петрусь? — спросил чашник. — Вы, наверно, читали памфлет Ольшовского?.. А?.. Да ведь и других писаний тьма!..

Лицо Пиотровского, сначала мрачное и холодное, начало проясняться. Он пристально посмотрел на гостей, как бы прикидывая в уме наиболее подходящий ответ.

— Пусть Бог милосердный не накажет по заслугам того, — начал он, — кто наградил нас этими выборами. Если только разговаривать об них, то они кажутся очень хорошими, «свободный-де выбор наиболее достойного», а в сущности-то тут выбирает либо случай, либо интрига, либо деньги.

⁴ Монашеский или канонический час (лат.), вроде нашего «адмиральского часа».

Угадать, кого выберут, не сможет никто... Иногда четыре недели стоим мы в поле, усталые, голодные, тоскующие по доме, и в конце концов кучка людей выкрикнет чье-нибудь имя, а остальные за ними, лишь бы все это скорее кончилось... Значит, *Deus seit*,⁵ что нас ожидает... Не будем же себя обольщать надеждою, что мы поставим на своем. Но все же есть одна вещь, которой мы можем добиться, если захотим, а именно — этих панов подкупленных (ведь это же очевидно!), мы исключим и наших вельможных магнатов, которые считают себя всемогущими, — хотя их горсточка, а нас тысячи, — мы научим помнить, что мы серая шляхта, тоже кое-что значим!..

Все трое приезжих рассмеялись громко и с видимым душевным удовлетворением.

Гарровский потирал свои покрасневшие руки.

— Вот была бы штука, *ut sic!*⁶

Спутники его, как блондин, так и брюнет не могли удержаться от смеха.

— Эту штуку мы можем устроить, — прибавил Пиотровский, — но надо действовать согласно и дружно. Если нас, сандомирцев, мало,

⁵ Богу одному ведомо (лат.).

⁶ Если бы так (лат.).

хотя мы с Краковянами всегда идем во главе, то мы должны привлечь также другие воеводства, чтобы и они шли вместе с нами. А так как мы всегда рады широко драть глотки, а в головах у нас часто шумит, то нет нужды всем давать другой лозунг, кроме единственного: «Шляхта, заодно!» Магнаты не раз вели нас за собою, как баранов, пусть же хоть на этот раз идут за нами!..

Все гости, в высшей степени оживившие, захлопали в ладоши. Заместитель так разгорячился, что для охлаждения налил себе еще рюмку и быстрым жестом опрокинул ее.

— Ну, а кого же мы выберем? — спрашивал Гарвовский, — в этом ведь вся суть вопроса!

Пиотровский поглядел на него.

— Дорогой чашник, — сказал он, — мне думается, что почти безразлично, кто будет королем... Что у нас может король? Раздавать староства и титулы, а больше ничего! Магнаты его окружают, облепят, и он вынужден будет плясать под их дудку... Ну, я, конечно, не спорю, что для заграничных сношений король кое-что значит, так как он «представитель Речи Посполитой», нужно, значит, чтобы у него была хоть фигура подходящая для этого.

— *Si fabula vera,*⁷ — сказал Гарвовский, —

⁷ Если басня не врет (лат.).

потому что ведь и портреты врут, — Кондэ выглядит рыцарем, да и лотарингец видный мужчина...

— Кондэ — это Франция, — сказал Пиотровский, — а она нам уж надоела... Лотарингский в родстве с австрийским домом, значит, *praeter propter*⁸ австрияк... а это тоже не очень для нас сладко...

— Охотится на нас, точно мы венгры или чехи, — прибавил светловолосый.

— Ну, а Пяст? — вмешался в разговор чернокудрый заместитель.

— Пяст, Пяст! — рассмеялся Пиотровский, потирая темя. — Если бы можно было найти такого Пяста, из лона которого произошел бы для нас снова «Храбрый»...⁹ Это была бы штука!

Гости снова дружно рассмеялись.

— Пусть будет хоть Пяст, — сказал хозяин, — да только с ним явится много затруднений... родственники, друзья, враги...

Тут он умолк на минуту и закончил:

— А я вам вот что скажу: не будем спорить о

⁸ Так или иначе (лат.).

⁹ Король Болеслав Храбрый.

том, что завтра будет — дождик или снег. Самое главное — не нужно давать себя панам в руки. Пусть это будут шляхетские выборы, наши... а что касается кандидата... судьба решит!.. Смеялись один раз на выборах, когда кто-то крикнул: «Бандура!»... а, по моему — пусть хоть Бандура, лишь бы — наш, а не панский и не такой, который корону сам себе покупает!.. Покажемте, что если есть продажные короны, то не у нас. Пусть себе паны торгуются о ней, сколько хотят, но даем-то ее все-таки мы!.. Как Бог наставит!..

Все слушали Пиотровского с привычным вниманием к нему.

— Я вам говорю, милые братья, — повторил Пиотровский, — надо стараться о том, чтобы шляхта стояла, как один человек... заодно... В этом нужно дать друг другу слово и над этим трудиться...

— Согласны, — воскликнул чашник, — итак, лозунг: «шляхта заодно!»... а кто же ее поведет?..

Пиотровский подумал и спокойно проговорил:

— А Господь Бог!

Чашник склонил голову.

— И на это согласны, — прошептал он.

— Не легко нам это достанется, — продолжал хозяин, — потому что паны в некоторых областях

имеют среди шляхты клиентов,¹⁰ слуг и преданных людей. У одного сын при дворе воеводы, у другого дочь в свите кастелянши. А аренды и пожизненные владения!..

Светловолосый поморщился.

— Но ведь никто же не продает себя за это, — крикнул он, — а тут идет речь не о мелочи, о собственной жизни... Ничто не должно связывать нашу гражданскую добросовестность.

— Мы поем Святому Духу: «Veni, Creator Spiritus»,¹¹ — вставил Пиотровский, — ну, и будете повиноваться Духу, а не приказаниям панов... «Шляхта заодно!»

— «Шляхта заодно!» — дружно подхватили блондин и брюнет... Чашник молчал.

— Tandem,¹² — отозвался он после раздумья, — если бы по исключению Кондэ и Лотарингского, предположим, у нас не осталось ничего, как только выбрать Пяста... тогда кого же из них?

¹⁰ В латинском классическом смысле т. е. зависимых людей, наприм., должников, арендаторов и т. п.

¹¹ Прииди, Дух-Зиждитель! (лат.).

¹² Итак (лат.).

— Поверьте мне, что это уже все равно, — сказал Пиотровский, — у Пястов много за, но много и против... Всякому, кто избран из среды равных, перед Величеством которого завтра придется склоняться, будут завидовать, против всякого такого будут составлять заговоры... Главное, чтоб был воякой... а остальное!..

Он махнул рукой.

— Вы говорите про Пяста, — сказал светловолосый, — а шляхта уже в шутку передает из уст в уста имя храброго воина Поляновского...

— Поляновский ничем не менее годится, как и Любомирский, — решил Пиотровский, — но давайте подготавливать, чтобы королевство было шляхетским: мы вынуждены выбирать его из панов, потому что их все знают... Ведь и они были когда то шляхтой, только исковеркались...

Пыл совещания стал уменьшаться.

— О нашем кандидате мы будем говорить только на Воле и около кафедры, — продолжал хозяин, — вся суть лишь в том, чтобы шляхта показала, что и она кое-что может. Для этого она никогда не найдет лучшего часа. Паны уже порешили между собой, все подписали, уверены в том, что все будет по-ихнему, набрали себе денег, поделились шкурой живого медведя, а мы им и покажем, что не они тут хозяева, а мы!

Выразительно сказанные слова эти так

понравились или, вернее, так польстили чувству собственного достоинства и сословной гордости приезжих, что они даже повскакивали со стульев и стали горячо выражать свое полное одобрение.

Чашник указал на Пиотровского, склоняя перед ним свою голову.

— Это наш вождь и диктатор, — сказал он, — лозунг дан! Теперь изменник всякий, кто не примет его!..

Хозяин скромно принял все эти выражения одобрения.

— Все это хорошо, — сказал он, — но не забывайте, что, если паны гетманы, канцлеры, маршалки и т. п. заранее узнают о нашем лозунге, — они его обратят в ничто. Все дело в том, что нужно дело делать, что требуется, и ничего не «провозглашать!»...

Чашник задумался.

— Тут-то и запятая, — пробормотал он, — как же мне обращать в мою веру кого ни на есть, если мне запрещено говорить о моей вере?!

— Как? — горячо перебил Пиотровский. — Вот просто пойдемте против панов и их обманных интриг, из этого получится само собою, что шляхта добьется почета и трофеев. Война против магнатов, которые считают нас бандой и так отзываются о нас! Война против продажности и торгашества! Теперь уже всем известно, сколько золота рассыпал

французский король ради Кондэ и лотарингской кандидатуры. Он обещает, и хотя дает скупое, зато подписей его и обязательств много по разным карманам...

— Против панов!.. Это дело!.. — с яростным жаром вскочил светловолосый Войский, — против панов!.. Чрезмерному все растущему могуществу их надо положить предел... Мы защищаем Речь Посполитую кровавым потом и своею кровью, на нас падают все тяготы, а они забирают себе уделы и концессии на уделы, *panis bene merentium*,¹³ старостства, аренды, откупы... чуть не обратили уж нас в рабов; пора встряхнуться!.. Пора!..

Все повторили хором: Пора!..

Лица всех раскраснелись. Пиотровский молчал.

Приближалось время обеда, и черноволосый повторил возлияние настойки. Чаг яик задумался, хозяин весело пошучивал над этими магнатами, против которых устраивал заговор.

— О, если бы нам удалось захватить их врасплох, — повторял он.

— Ей-богу, устроим это! — восклицал Чашник. — Примас хитер, опытен, но трус; когда зазвонят шляхетские сабли, он на все согласится.

¹³ Хлеб праведных тружеников (лат.).

Труднее будет с гетманом.

— А! — поднял голову заместитель, — с гетманом было бы трудно, потому что он отличный волка и полководец, но, как политик, он ходит в юбке. Тут им руководит супруга, а она вторая Мария-Луиза, только не имеет ее апломба... И не успеет ее мосц оглянуться, как ее кандидат провалится.

— Правление женщин, милостивы государи, — сказал Пиотровский, — хоть и кажется вам нелепостью, однако, глубоко проникает и долгое время дает себя чувствовать... До сих пор еще над нами царствует Мария-Луиза: все, что мы видим, дело ее рук. Благодаря ей, мы имеем Кондэ; из ее воспитания вышла супруга гетмана и Радзивилла; по ее моде одевается молодежь; ее языком все говорят и пишут. Дай Бог, чтобы хотя обычай продавать вакансии не перешел от нее по наследству к новому двору.

Так переговаривались они, посматривая, скоро ли будет подан знак, что обеденный стол накрыт, как вдруг к маленькому крыльцу усадьбы подъехали громадные сани; все бросились к полузамерзшим окнам. На этот раз это был, очевидно, незаурядный гость, так как многочисленная челядь окружала сани и тем указывала на присутствие знатного пана.

Пиотровский поморщился, все переглянулись;

в это время двери распахнулись, и в них показался улыбающийся, изящно, но по-польски одетый, пожилой господин.

Это был сам пан сандомирский каштелян. Пиотровский был мало знаком с ним, и хотя деревни их лежали по соседству, каштелян так редко приезжал сюда, что они почти не видались.

— Проезжая мимо ваших ворот, — входя, вежливо начал каштелян, которого сопровождал молоденький племянник высокого роста, — я не мог себе позволить не навестить вас, хотя бы на минуту. Очень спешу, потому что этот походный шлем причиняет нам много беспокойства; но я все же хотел хоть приветствовать вас.

Пиотровский принял пана сдержанно, но вежливо. Каштелян соблаговолил сесть, не отказался от настойки и закуски, хотя все время повторял, что ему некогда, и в конце концов, окинув взглядом присутствующих, которые принимали его довольно холодно и молчаливо, он воскликнул:

— Ну, что же? *De publicas?*¹⁴

Вопрос был обращен, главным образом, к хозяину, который немного подумав, ответил:

— И все мы рады были бы как можно скорее

¹⁴ О государственных делах? (лат.).

снять с головы своей походный шлем, но вам все-таки нужно короля.

— Святые слова, — подтвердил каштелян, зорко вглядываясь, — по мне сдается, что мы его как будто бы уже имеем... Unanimitate¹⁵ пройдет Кондэ!

— А Лотарингский? — спросил хозяин.

Каштелян поморщился.

— Нам рекомендуют его, как рыцаря и вояку... Ну, да ведь и у нас дома есть свои гетманы, которые ему в этом не уступят. Стало быть, для нас это достоинство не имеет большого значения. Нам нужен такой, у которого было бы чем платить войску... Вот что существенно! А Кондэ деньгами богат... никто с ним не может в этом соперничать!

Все молчали. Пиотровский покачал головою и равнодушно проговорил:

— Мы, пан каштелян, мелкие политики; мы озираемся на ваших милостей: вы ведь выше сидите и вам поэтому дальше видно. Лишь бы хоть выборы-то не долго держали нас лагерем, а то и лошади, и люди исхудают...

Этот уклончивый ответ, по-видимому, понравился каштеляну, который выслушал его с веселой улыбкой.

¹⁵ Единогласно (лат.).

— Для этого есть простое средство, — сказал он, — не затягивая дела, провозгласить королем герцога Кондэ.

— А что же на это скажет пан вице-канцлер?¹⁶ — пробормотал чашник.

Каштелян сделал в воздухе какой-то непонятный знак рукою:

— Подканцлеру захотелось печатать памфлеты, — язвительно заметил он, — и он опубликовал цензуру чужих мнений, но его памфлет сам себя разбивает, потому что ведь Пяст попросту немислим. Пястов слишком много, чтоб можно было выбрать кого-нибудь одного из них. А что может дать нам Пяст? Между тем, чужеземный монарх усилит нас и деньгами, и связями, и союзами, помощниками для Речи Посполитой, да и казной!..

Говоря это, каштелян поднялся; никто ему не возражал. Он достал из-за пазухи своего жупана нюрнбергское яйцо,¹⁷ посмотрел, который час и тотчас же стал прощаться.

— Ваша мосц, дорогой сосед, — на прощанье добавил он, обращаясь к Пиотровскому, —

¹⁶ Кс. Ольшовский.

¹⁷ Часы примитивной яйцевидной формы.

надеюсь, что во время выборов ты будешь с нами. Сандомирцы все за герцога Кондэ!..

Не успел он еще выехать за ворота, как чашник, держась за бока, вернулся в гостиную и расхохотался:

— Попал пальцем в небо!

II

Герцогу Кондэ или, как его называли тогдашние поляки под влиянием обычая изменять имена на латинский лад (Condeus) и выговаривать на венгерский манер, — Кондеуш, уже заранее оказывались триумфальные встречи, до того обеспеченной казалась его победа на выборах. Князь Лотарингский, эмиссар которого имел мало денег для раздачи, рассыпал зато обещания, проникая по вечерам к своим единомышленникам, которые старались усидеть меж двух стульев, но с каждым днем таяла его надежда победить могущественного соперника.

Не говоря о том, что вице-король, ксендз примас, который вслух говорил, что для него важно лишь иметь короля с католической верой в сердце, давно уже был на стороне Кондэ, но и все другие сановники были согласны с ним.

Михаила Томаша (Фому) Вишневецкого, которого рекомендовал подканцлер, никто не

считал кандидатом.

Вся эта ветвь рода Ягеллонов, казалось, была обречена самим роком на политическое угасание. У нее было много представителей, но не было удачи. Лучшим примером этого был недавно умерший Иеремия, единственный полководец, который умел громить казаков и вселять в них страх, — человек высокой доблести, внушительно строгих нравов, безграничной самоотверженности, — а умер он без заслуженной им гетманской булавы, лишенный огромных владений в юго-западной Руси (Украине); его очень скупо вознаграждали за его жертвы, вернее даже ему заплатили одною лишь неблагодарностью; и он оставил после себя семью почти в нищете: сын его воспитывался как бы из милости при дворе, а вдова получала свое скромное содержание лишь от щедрот Любомирских и Замойских.

Полная жертв жизнь этого Иеремии, о котором говорили: *calamitas patriae — lamentatio Jeremiae*,¹⁸ приобрела ему только одно — завистников и врагов.

Рыцари любили его и умели ценить, так как они видели его во главе своего сословия не только полководцем, но и воином, который часто без лат и

¹⁸ Несчастье для отечества — плач для Иеремии (лат.).

кольчуги, в простом кафтане, бросался на врага...

Как полководцу, ему очень везло; как человек, он возбуждал зависть и нерасположение. Правда, что ни заискиванием, ни лестью он не привлекал ничьих сердец. Это был человек непреклонный... Король Ян Казимир, которого настраивали против князя Иеремии, узнав его лучше, уже стал было ему симпатизировать, но тогда короля предупредили, что Вишневецкий, служа ему гетманом, присвоит себе всю славу и заслугу польских побед.

Со стоицизмом великой души перенеся все, чем его преследовала судьба, князь Иеремия страдал лишь за судьбу своего сына, который, живя у чужих людей, питался чужими милостями...

Им занимались лишь ради великой памяти отца. Князь Карл — брат короля и королева Мария-Луиза заботились о нем; наконец, у него была мать, святая женщина, в жилах которой текла кровь великого гетмана и канцлера Замойского.

Домашнее воспитание было недостаточно для наследника великого имени, и вот молодого Михаила отправили за границу и поместили при дворе императора. Опекуну больше всего заботились о том, чтобы он приобрел манеры, лоск, знание языков, навык держать себя по придворному и лавировать в наивысших слоях общества, что будто бы было необходимо для князя некогда владетельного рода.

И Михаил живой, талантливый, но вместе с тем кроткий и податливый, позволил сделать из себя то, что другим хотелось. Он стал одним из приятнейших юношей своего времени и его внешность сделала бы его желанным лицом при самом блестящем дворе.

Легко и свободно говорил он на нескольких языках, любил и умел со вкусом одеваться, чему очень завидовали, располагал к себе сердца изысканной вежливостью наилучшего тона...

Понятно, все то, что требовалось тогда от барского воспитания, он усвоил всецело. Отличный наездник, одинаково ловко владеющий, как шпагой, так и пистолетом, — он никому не уступал в любом спорте той эпохи.

Но... все то, что делало его самым милым из молодежи при дворе императора, что на родине отличало его среди польско-литовской аристократии, а именно эта светлая и прекрасная оболочка, являлась загадкой, так как не было известно, что она скрывала под собою...

Михаил не выделялся ничем более крупным, он ничем не увлекался, ни военным делом, ни наукой, ни даже государственной службой, которая постепенно могла бы довести его до высоких степеней. Это был человек спокойный, покорный, наученный набожною матерью не ожидать слишком много от будущего, разочарованный

судьбою отца и не требовавший от жизни, пожалуй, ничего большего, как породниться с каким-либо владетельным родом, который бы вызволил его из положения, несовместимого с именем и наследием предков.

Во время ожидания королевских выборов, которое привлекло в столицу много влиятельных фамилий, почти весь цвет тогдашней аристократии, мать Михаила также прибыла с сыном в Варшаву и поселилась в старом особняке на углу Медового переулка.¹⁹

В те времена, когда столицу перенесли в Сеймовый город Варшаву, в начале царствования Владислава IV, все паны стали закупать участки, чтобы сгруппироваться вокруг двора. Когда воздвигались роскошные дворцы Казановских и Оссолинских, Вишневецкие также купили в городе место, на котором думали строиться по-барски. Потом наступили тяжелые времена, они потеряли свои владения в юго-западной Руси, которые составляли все достояние Иеремии, и участок, начавший застраиваться в первое время после покупки, остался в том виде, в каком его застигло разорение...

Все-таки он был не настолько запущен и

¹⁹ Ныне Медовая улица.

жалок, чтобы вдова Иеремии и сын ее не могли здесь разместиться и принимать некоторых своих друзей и родственников. Правда, тут не было ни штукатурки с позолотою, ни мраморных колонн, ни тех статуй из бронзы и мрамора, которыми перед шведскою войною и разгромом Радзеиовским отличался тогдашний знаменитый дворец Казановских, но комнаты, хотя и со старосветской точки зрения, были все-таки обставлены по-барски. Стены были затянуты шелком и кожей, мебель была резная, старые восточные ковры застилали полы.

Здесь Гризельда Вишневецкая проводила тихие часы своей вдовьей жизни, проясняемые иногда приездом дочери или сына. Обеднение не лишало дом потомства Кобыбутов того блеска, который точно был присущ их крови. Это были все-таки несомненные потомки Ягеллонов, между тем как другие княжеские роды вели начало или от юго-западных русских князей, или от ветвей, происхождение которых было сомнительно и темно...

Жизнь в этом невысоком доме с очень, немногочисленной прислугой, при ограниченном числе лошадей, и полном отсутствии всего, что позволяло бы блистать, — не могла удовлетворить молодого Вишневецкого, который любил изысканность, и которому приходилось хорошо

одеваться и выглядеть нарядным в том обществе, где он вращался... Самоограничения его матери, помощи Любомирских едва хватало на самую скромную жизнь, сообразно с их именем... Но сквозь эту точно и тонко рассчитанную элегантность просвечивала нужда... Двор и придворные Собесского, Пацев, Потоцких и даже менее значительных фамилий затирали и отодвигали на задний план князя Михаила. Это нужно было переносить со спокойным лицом, чтобы не дать заметить, как это больно...

Усилия шурина Любомирского и вообще надежды на будущее обещали перемену к лучшему.

Все-таки среди панов не было двора скромнее, чем двор и прислуга княгини Гризельды... Лишь она сама своим видом мученицы внушала почтение...

В общем, все это были остатки прошлого, — потертые нашивки на ливреях слуг, повозки, которые были разъедены дождями и выцвели от солнца, старые тюфяки, седые слуги... а, так как почти все они происходили из юго-западной Руси, то вдобавок имели еще какой-то особый украинский и казачий отпечаток. В то время как в других дворах и дворцах жизнь протекала приподнятым до легкомыслия темпом — во флирте, развлечениях, музыке, танцах... и чтении французских романов, — здесь царила чуть не

монастырская тишина, безжизненность, которая окружает всегда даже самые почтенные руины. Люди никогда не стремятся к могилам, они оборачиваются к жизни... и если долг загонит их сюда, то они не надолго задерживаются тут. Приветствовать княгиню Гризельду приходили все, но никто здесь долго не оставался. Молодежь навещала князя Михаила, но не засиживалась у него — тоскливо и скучно было тут.

Кроме молоденькой барышни из семьи Зебжидовских, свойственницы Замоиских, и старушки-экономки, свидетельницы лучших времен, при самой княгине никого не было.

Зебжидовская по происхождению и по фамилии принадлежала к тому могущественному роду, один из потомков которого за восстание был лишен местечка Кальварии. Зебжидовская была бедной сироткой и с детства была взята княгиней, став для нее как бы второю дочерью, после родной, когда эта вышла замуж. Обе они привязались друг к другу, привыкли быть вместе и даже не допускали мысли, что когда-нибудь расстанутся. Елена, которую приемная мать звала интимно Хелей, была очень красивая девушка, но ее сиротство и постоянное общение со старой, печальной, набожной вдовой воеводы сделало ее преждевременно серьезной и отняло у нее обаяние наивной молодости.

Свежая и молодая наружно, она имела в манере держать себя, в движениях, в разговоре, что-то не по летам серьезное, перенятое ею у княгини. Живя с княгиней, она невольно переняла многие ее приемы, и улыбка очень редко играла на устах Елены; ей была чужда жажда удовольствий, ей не были интересны ни люди, ни свет. Княгиня Гризельда, хотя и не говорила ей об этом, думала про себя, что Елена была создана для монастырской жизни. Обе они были очень набожны, но не так, как другие... Княгиня больше читала, чем молилась, и хотя исполняла аккуратно все предписания религии, но не придавала чрезмерного значения внешности и мелочам.

Из дома деда она вынесла убеждение, что веротерпимость составляет долг христианской любви, поэтому она не колебалась поддерживать общение с диссидентами, которых в те времена в некоторых домах не решались даже принимать.

Воспитанная княгиней Елена Зебжидовская была как бы ее помолодевшим отражением. По своей скромности и кротости она, хотя и получила от своей приемной матери знание нескольких языков, любовь к чтению и знакомство с вопросами, которые выходили за пределы тогдашней женской деятельности, она не рисовалась всем этим и была все такой же скромной и чаще всего молчаливой...

Будучи почти на десять лет моложе князя Михаила, который сначала любил ее, как милого ребенка, она незаметно выросла до положения любимой сестры, симпатичного существа, необходимого в его жизни. Довольно скрытный по природе и потому с трудом доверявшийся кому-либо, меланхолический князь Михаил только перед матерью и перед Еленой умел открывать свою душу и исповедывать свои затаенные думы. Они одни понимали его...

А Елена? Она росла, впившись своим взором в этого окутанного меланхолией красивого серьезного юношу, и привязалась к нему сначала как сестра, а потом — всем сердцем, всей душой своей; и сама она не знала, каким именно чувством к нему она в конце концов запылала. Она не анализировала этой любви своей, она не догадывалась о роли страсти в этом чувстве, так как в ее уравновешенном сердечке до сих пор ни одно чувство не доходило до такой степени кипения... Со страстью она не была знакома...

Княгиня и не догадывалась, и не допускала, чтобы между этими приемными братом и сестрой могло появиться что-либо более сильное, чем братская любовь.

Между тем Михаил, став молодым мужчиною, почувствовал потребность любви. В том обществе, в котором он вращался, он встречал

лишь любовные интриги и в одной лишь Елене видел идеал женщины, способной дать счастье... Однако, он никогда не думал, не допускал даже мысли, чтобы бедная родственница сама могла его полюбить, или чтобы он, по условиям того света, в котором он вращался, мог в нее влюбиться.

Он не упускал из вида своей печальной будущности, так как неоднократно Любомирский, а иногда и князь Димитрий говорили ему о ней. Ему нужно было «жениться богато» для восстановления престижа своей семьи, ему и искали такую невесту, а так как по происхождению он был равен с наиболее высокопоставленными, то он имел право высоко метить... В высшей степени утонченное воспитание, очень приятная внешность, хотя для того времени немного чересчур строгая, наконец, просвещенный ум и умеренный образ жизни говорили в его пользу в глазах даже наиболее требовательных.

Но мать не хотела спешить с женитьбой сына.

Когда князь Михаил, имевший мало друзей среди мужчин, так как молодежь сторонилась от его серьезности и умеренности, возвращался к себе домой, то после отчета матери о том, как он провел время, он шел немедленно к Елене и чистосердечно выкладывал перед ней все, что видел и слышал.

Это стало для него потребностью, а прекрасная родственница с интересом слушала

даже рассказы о парижских туалетах княжны Радзивилл или жены маршалка Собесского.

Последнюю княгиня Гризельда не любила, и в кругу своих она этого совершенно не скрывала. Это было отвращение частью инстинктивное, а частью основанное на том, что она слышала и знала об этой воспитаннице Марии-Луизы.

Ей приписывали и непомерное честолюбие, но еще более смелое, почти дерзкое стремление к богатству и влиянию. Ее выход замуж за старика Замойского, несмотря на начатый уже тогда флирт с красавцем Собесским, сожительство с ним, о чем рассказывали всякую всячину, а потом новый брак, — вмешательство в интриги из-за герцога Кондэ, сама чародейская власть над влюбленным мужем и одновременно вызывающее кокетство в обращении с другими, все это вместе взятое рисовало Собесскую очень несимпатичной для строгой княгини; но из уст княгини никогда не слышали бесповоротного осуждения или порицания. А потому, когда говорили о прекрасной, чарующей жене маршалка, она просто молчала. Это было единственным признаком, что она не могла или не хотела сказать ничего в ее похвалу. Когда ее вынуждали к этому, она обыкновенно ограничивалась похвалою большого вкуса в костюмах, которыми отличалась очаровательная Мария... Князь Михаил, часто выдавший и

встречавший ее, тоже не восторгался этой красотой, которой было недостаточно, чтобы замаскировать характер этой Армиды, чересчур жизнелюбивой, деспотичной, капризной, жадной к власти.

Она была одною из самых горячих сторонниц герцога Кондэ; о ней даже говорили, что она руководила всем, и что муж был для нее лишь исполнителем ее приказов.

В доме княгини Гризельды она была почти невиданной гостьей.

Эта живая в веселая дама не могла найти удовольствия в обществе печальной вдовы, а влияния или помощи со стороны Вишневецких она не ожидала. Издали она посматривала иногда на красивого князя Михаила, французский костюм которого ей нравился, но она не привлекала его к себе. Он ей не был нужен.

Маршалок Собесский тоже не имел времени и случая ближе познакомиться с семьей покойного Иеремии, бок о бок с которым он неоднократно сражался на том же ратном поле, еще будучи молоденьким. Не было тогда человека, более деятельного, более занятого, более подвижного, чем он... Кандидатура Кондэ, в которой он поддерживал всей душой Примаса и свою жену, военные дела, которые его увлекали и занимали, хлопоты об имениях, которых не хватало для слишком открытой жизни, все это так заполняло

время у Собесского, что, казалось, он вечно суется и едва успевает со всем этим справиться.

В том вихре, который предшествовал выборам и подготовлял их, князь Михаил играл пассивную роль. Мать не хотела, чтобы он совершенно устранился и отказывался от всякого участия. Любомирский тоже хотел иметь его при себе, но он лично, обреченный своею бедностью на очень заурядную роль, тяготился этим топтанием без плана и цели.

Избрание нового государя было довольно безразлично для княгини-матери; она считала герцога Кондэ уже бесспорным кандидатом на корону, и хотя Лотарингский и Нейбургский еще суетились и хлопотали о чем-то, но она считала, что это бесплодно... Эмиссары этих кандидатов как официальные, так и негласные, все старались приобретать себе единомышленников; у князя Михаила было громкое имя и потому, как лотарингский, так и нейбургский эмиссары наведались к нему и, так как тогда было до того принято покупать голоса, что никто этого даже же скрывал, то граф Шаваньяк осмелился даже небольшой подачкой привлечь к себе князя Михаила.

Князь очень хорошо знал, что он мог ожидать этого, но, тем не менее сильно смутился. Граф Шаваньяк, заметив это, старался уверить князя, что

обычай этот до того общепринят, до того явен, до того для всех безобиден, что отказ, пожалуй, был равносителен объявлению войны. Ловкий француз, можно сказать, принудил князя принять подношение.

Вернувшись с этой получкой домой, князь Михаил не нашел смелости признаться в этом матери и предварительно пожаловался Елене. Густой румянец, внезапно покрывший щеки ее, показал князю Михаилу, как ей досадно было слушать об этом.

Она заломила свои белые ручки, и глаза ее наполнились слезами.

— Ах! — воскликнула она. — И ты взял?

— Я был вынужден, — кисло ответил князь Михаил, — в противном случае я приобрел бы в нем себе врага. Он напрямик сказал мне, что, если гетманы, маршалки, примас принимают подношения, что вовсе не составляет тайны, то я не могу отвергнуть дара, который сделался как бы общеобязательным.

Елена промолчала.

— Княгине, — сказала она тихо, — об этом, пожалуй, все-таки лучше не говорить... Если Собесский, Любомирские, Потоцкие принимают, это, может быть, вовсе не компрометирует их, так как они богаты, хотя мне и это кажется странным... Но мы... но мы... но ты...

Не договорив, она потупила глаза.

— Это своего рода обязательство и продажа себя, — прибавил; она после паузы, — а что, если потом совесть не позволит поддерживать кандидата?

— Шаваньяк объяснял мне, что я и не обязуюсь ни к чему иному, как только не мешать, — прибавил князь Михаил. Это для меня чрезвычайно легкое дело, так как ни помочь, ни помешать я, если бы даже и хотел, не сумею.

Он грустно усмехнулся.

— Впрочем, — сказал он после маленькой паузы с прояснившимся лицом, — этот маленький приток в мою скудную кассу очень кстати. У меня было большое, огромное желание и надобность выписать себе костюм прямо из Парижа... и мне это было затруднительно, а я имею даже оказию...

— Знаю, что это твоя слабость, — тихо проговорила Елена, — но простительная в твои годы и при сношениях, заставляющих постоянно бывать в этом франтящем обществе.

Князь Михаил вздохнул.

— При дворе императора я привык к этому, — проговорил он тоном оправдания.

— Ах, да!.. — повеселев, ответила Еля. — Я знаю от княгини, что ты с малых лет имел пристрастие к нарядному платью и к красивым тряпкам... Как это грустно, что все это так

дорого...

Князь Михаил очень серьезно относился к предмету разговора и, поглощенный темой, добавил:

— А здесь, у нас, на родине, ни в Кракове, ни в Варшаве, даже по самому лучшему образцу, не сумеют сшить французского костюма так, чтобы он не выдавал своего происхождения... То, что получается из Парижа, носит на себе такой отпечаток вкуса и шика, что немислимо не восхищаться: как-то совершенно иначе выглядишь в этом наряде!..

Елена слушала, как-то печально опустив глаза, словно ей было горько вновь услышать подтверждение от самого кузена о его слабости.

А князь Михаил так наивно говорил о любимых нарядах, точно не видел в этом ничего ни странного, ни роняющего мужчину.

Он, не торопясь, вынул из кармана сверток золота... и положил его перед Еленой.

— Тебе, вероятно, тоже нужно, — проговорил он, — так я охотно поделюсь с тобой.

Зебжидовская, точно испугавшись, стремительно оттолкнула сверток, который откатился назад к руке князя Михаила.

— Я?! — вскричала она. — Я? У меня всего больше, чем нужно, по милости княгини! На что мне могут понадобиться деньги?!

— Да! Ты, ведь, не придаешь никакого значения нарядам, — тоном упрека начал князь Михаил, — между тем, платье, особенно для женщины...

Елена усмехнулась.

— Да, — сказала она, — есть дамы, которые только тем и заняты, что одеваются и переодеваются и ни о чем другом, кроме костюмов, не думают, но я к этой братии не принадлежу.

— Во главе тех дам, которые умеют хорошо одеваться, — заметил Михаил, стоит жена маршалка Собесского. Она затмевает всех остальных своими парижскими нарядами.

— Ну, также и красотой, — прибавила Елена, — а если бы у нее было еще хоть немного обаяния и нежности... Но этого-то как раз у нее и не хватает... В ее красивом лице есть что-то такое острое, что она внушает скорее страх, чем любовь.

— Своими манерами она напоминает покойную королеву, — заметил Михаил.

— С той только разницей, — прошептала Елена, — что та умела быть гораздо симпатичнее, когда хотела.

Михаил задумался и кажется, думал уже о парижских костюмах, которые он намеревался выписать. В данную минуту это было для него самое важное дело.

Елена тотчас угадала, что его так занимало.

Князь Михаил, по-видимому, высчитывал стоимость пополнения своего гардероба, когда медленными шагами вошла княгиня; сверток золота исчез в руке князя, который поспешил почтительно приветствовать ее.

Несмотря на чрезвычайно скромное вдовье черное платье, которого никогда не снимала жена некогда знаменитого Иеремии, она оставалась личностью с величественной осанкой, невольно возбуждающей уважение. По ее слегка морщинистому лицу, некрасивому, но выразительному, было разлито ненарушимое ни чем христианское спокойствие, хотя сквозь него и проскальзывало страдание. Седые волосы обрамляли ее лицо, потерявшее свежесть, но полное еще энергии и жизни.

Увидев сына, она улыбнулась ему, протянула руку и поцеловала его в голову.

— Елена, милая, — сказала она, — я не знаю, завтракал ли Михаил. Он молод, и ему нужно больше, чем мне и даже больше, чем тебе, хотя ты и моложе его; он мужчина и должен быть энергичным...

После короткой паузы она спросила у сына:

— Ну, что у нас сегодня?

Князь Михаил немного задумался, словно хотел вспомнить программу дня.

— Все одно и то же, — ответил он, — князь

примас в городе, живет у отцов иезуитов, рядом с костелом св. Яна; я должен быть у него, потом тут же рядом найду к Любомирским, а дальше, право, собственно, я не знаю... Вероятно, потащат меня куда-нибудь с собой.

— Хотя бы это даже нагоняло на тебя скуку и утомление, — сказала мать, садясь у стола на пододвинутый Еленой и Михаилом стул, — надо показываться всюду... не давать забывать себя... ты — слишком тих и скромн!

Князь Михаил опустил глаза, не желая сказать матери того, что он подумал, а именно, что не всюду он мог показываться, так как всякий выскочка без имени или королевский купец, получивший шляхетство, благодаря случаю или императорской привилегии, мог затмить его своим двором, костюмом и выступлениями в обществе.

Краковский рынок и краковская шляхта насчитывала особенно много этих богатых парвеню, въехавших в высший свет на торговле низкопробной фальшивой монетой, чеканенной в Силезии и ввозимой контрабандным путем в Польшу. На них, правда, указывали пальцами, но имена их пользовались большой известностью, они женились на шляхтянках чистой расы, ездили на шестерке в распряжку цугом и, хотя шляхта с более строгими традициями и брюзжала по этому поводу, они уже занимали прочно захваченные для себя в ее

среде места.

Княгиня Гризельда несколько времени просидела молча. В это время красавица Елена приготавливала закуску, которую должны были подать князю Михаичу. Мать знала маленькую слабость своего сына, любившего покушать; молодой, здоровый, он ел охотно и много. Ей доставляло удовольствие смотреть, как ее сын с «мужицким» аппетитом, по ее выражению (которое Елена заменяла более эстетическим выражением — «рыцарский»), готов был поестъ во всякое время дня.

В этом было что-то почти младенческое, так как во время еды князь Михаил забывал обо всем на свете.

— Для этих несчастных выборов, — помолчав, сказала княгиня, — тебе еще много кое-чего нужно. Я бы охотно помогла тебе.

Князь поднял голову от тарелки, над которою он сидел наклонившись, и по первому необдуманному побуждению хотел согласиться с матерью, но вовремя спохватился, видя, что она и без того расстроена своими словами.

— Но, — сказал он, — я не думаю, чтобы мне было нужно так много показывать себя. Всем же, ведь известно, что казаки отняли у нас все, чем мы владели.

— Ну, да! И та бедность, которая постигла

твоего отца, нас скорее красит, чем позорит. Мы не прожили свою вотчину, — Иеремия принес ее в жертву отчизне, которая еще не уплатила ему своего долга. Мы можем гордиться тем, что нынче ты вынужден так скромно выступать. Тем не менее, в твоих жилах течет ягеллонская кровь, и, взглянув на тебя, всякий узнает это по твоим благородным чертам... Но есть вещи необходимые, — проговорила княгиня, немного подумав, — лошади, которые так дорого стоят, несколько больше прислуги, которая ни для чего не служит, ну, и, наконец, новые ливреи для них.

— Да напрасно было бы тратиться и на многочисленную и эффектную прислугу, — сказал князь Михаил, — я думаю, что достаточно будет выступать там мне самому, как подобает сыну Иеремии, а кортеж мой пусть себе будет незначителен.

— Ах, эти лошади, эти лошади! — вздохнула мать. — У нас были прекраснейшие табуны, даже лошади Конецпольских не могли равняться с нашими, а теперь...

— Войны для них губительны! — сказал князь Михаил. — У меня для себя есть несколько довольно приличных, но для челяди?..

Наступило молчание. Княгиня Гризельда стала спрашивать про вчерашний день и разговор затянулся бы, если бы не вошел молодой

Пац, друг князя, который с французской галантностью, так как и он следовал иностранной моде, поспешил поздороваться с хозяйкой дома.

Гость был весел, лицо его было некрасиво, но молодо и сияло оживлением счастливого человека, у которого всего вдоволь. Мысли его вращались в заколдованном кругу повседневных развлечений.

Он прекрасно знал, где был в этот день обед для самых почетных лиц, у кого вечером *conversazione*²⁰ и вечер с танцами.

Как все Пацы того времени, так и этот, опираясь на значение канцлера Крыштофа,²¹ чувствовал себя сильным. И он давал это чувствовать тем, кого удостаивал своим знакомством. Княгиня должна была считать большой милостью со стороны этой семьи с таким большим влиянием и значением, что молодой староста выказывал расположение к ее сыну и жил с ним на дружеской ноге.

Потому-то здесь и принимали его с выражением большого внимания, не соответствовавшего его молодому возрасту.

Одна Елена Зебжидовская была не слишком

²⁰ Беседа (итал.).

²¹ Христофора.

любезна к надменному, слишком смелому и самоуверенному молодому человеку.

Пацы стояли еще тогда всем своим многочисленным родом, с Крыштофом литовским во главе, за Кондэ, бок о бок с примасом и Собесским.

Но соперничавший с ними в значении, деятельный Собесский и его жена становились уже неприятными для Пацев. Это еще не выступило наружу, но втайне уже готовился разрыв.

На самой Литве им мешали своим могуществом и влиянием Радзивиллы, с которыми у них уже завязывалась борьба.

И княгиня Гризельда поэтому не удивлялась, когда молодой Пац, начав разговор, довольно язвительно отозвался о жене маршалка Собесского и об ее муже. Они были, правда, из одного лагеря, но легко можно было предвидеть, что самое маленькое раздражение повлечет за собой войну.

Из оживленных рассказов молодого Паца обнаруживались его симпатии и антипатии, не очень, впрочем, скрываемые. Особенно часто он затрагивал Радзивиллов.

— Я бы не очень советовал герцогу Кондэ надеяться на них, да собственно и на Собесского также... Подозреваю, что они для одного лишь того, чтобы показать свою силу, готовы переметнуться в противный лагерь.

— А что вы, пан староста, — спросила хозяйка, — называете противным лагерем? Сомневаюсь, чтобы маленькая горсточка друзей Лотарингского и Нейбурга заслуживала этого имени...

— Пока еще нет, — отвечал Пац, — но, если бы какой-нибудь неожиданный случай, чего мы не ждем, поколебал выборы Кондэ, тогда Лотарингский останется впереди всех остальных кандидатов...

Пац рассмеялся и добавил:

— Радзивиллы одни останутся с Нейбургским!

— Не может случиться, — заметил князь Михаил, — чтобы так старательно подготовленным выборам Кондэ что-нибудь помешало!

Пац пожал плечами:

— Бог его знает, — равнодушно заметил он, — ходят смешные слухи. Есть люди, которые утверждают, что наша серая шляхта позавидовала нам, что мы сами выбираем короля, и хочет начать с нами борьбу и ищет Пяста, чтобы выставить его против Кондэ. Пяста! — продолжал, смеясь Пац, — любопытно, кого же это они имеют в виду?

Княгиня недоверчиво повела плечами:

— Это праздная болтовня, — сказала она.

— Мы все же потерпели бы кого-либо из вас на троне, — прибавил Пац. — Это дало бы перевес

одному роду... могло бы вызвать междоусобную войну. При Сигизмунде Августе не хотели иметь на троне даже женщины из дома Радзивиллов, что же говорить о короле, так внезапно возвеличенном из среды равных?

Разговор за столом продолжался еще некоторое время, затем староста встал, попрощался с княгиней и, взяв князя Михаила под руку, пошел с ним в его апартаменты.

Эта часть дома, которую материнская любовь и рука сестры старались приукрасить и сделать уютной, в сущности, была самой богатой. Одна комната вся была обвешана латами, отчасти восточного происхождения, и старинным оружием. В спальне князя Михаила рядом с сувенирами спартанской простоты, унаследованными от отца, блестяли привезенные из-за границы безделушки, которые, по-видимому, очень ценились князем Михаилом.

Пац бросился на покрытую мехом скамейку и стал оживленно говорить.

— Для всех нас становится несносной эта француженка, которая хочет задавать здесь тон королевы. Она проводит кандидатом Кондэ, она диктует послам, что им делать; всюду она и только она... Даже примас перед ней преклоняется! До каких пор это будет продолжаться?

— Вероятно, до самых выборов, — сказал

Михаил.

— Но она захочет так же управлять будущим королем, как управляла теми, кто поддерживает его кандидатуру... В конце концов мы этого не потерпим. Радзивиллы наши открытые враги... а они заодно с Собесским.

Князь Михаил спокойно поправил его:

— С женой маршалка Собесского.

— Ты прав, этот прелестный селадон, до сих пор так обожает свое божество, что повинуется всякому мановению ее руки... Правда, красавица Мария не избаловала его слишком большой любовью со своей стороны и других дарит улыбками, более нежными, чем мужа...

— Дает ему почувствовать, какую большую милость она ему оказала, выйдя за него замуж, — прошептал князь Михаил. — Собесский всем обязан ей.

Пац перебил его язвительным рассказом о чрезвычайно интимных отношениях жены маршалка с французами. При дальнейшем разговоре он перебрал все ходившие в обществе сплетни...

Князь Михаил равнодушно слушал это; видно было, что он был только зрителем в этой жизни, не вмешиваясь в нее активно, между тем как Пац принимал горячее участие во всем происходившем.

Дав Михаилу немного отдохнуть, Пац встал и,

не позволив ему остаться дома, повлек его с собой. Вишневецкий был ему нужен для антуража и напоказ, точно так же, как некогда князьям Острожским был нужен каштелян или воевода в качестве дворцового или, как называлось у них, маршалка двора, «гофмаршала»...

Поэтому молодые люди вместе выехали из дома на углу Медового переуллка и начали длинный ряд посещений в те дома, в которых Пац хотел напомнить о себе, а князю Михаилу пришлось сопровождать приятеля.

III

Была весна. Приближалось время, назначенное для выборов, а примас больше всего проводил время в Ловиче, куда ежедневно съезжались все друзья Кондэ...

По лицам и настроениям гостей легко можно было судить, что дело французского кандидата развивалось весьма успешно. Примас перед своими интимными друзьями откровенно говорил, что он уверен в исходе выборов.

Заблаговременно уже распределялись вакансии, какие открылись или могли представиться в период между предварительным съездом («конвокацией») и избирательным сеймом («элекцией»).

Старик Пражмовский раздавал их, посоветовавшись со своими помощниками и не сомневаясь, что воля его будет исполнена... Несмотря на эту уверенность, они все-таки вели себя бдительно, и Пражмовский ежедневно получал из провинции известия о настроениях, которые там назревали.

Трое самых деятельных приверженцев герцога Кондэ, — архиепископ, Собесский и канцлер Пац, — находились как раз в кабинете Пражмовского на обычном совещании, когда старший придворный доложил о приезде стольника Гоженского... и Пражмовский приказал его тотчас же впустить...

Пан Цедро Гоженский, родом мазур, очень дальний родственник семьи архиепископа, скромный и незаметный человек, почти скрывавший себя и свои сношения, был одним из тех верных слуг Пражмовского, которые исполняли его приказания и наблюдали за подготовкой будущих выборов — *anima damnata*²² своего старого господина. Гоженский имел особый дар всюду проникнуть, играть различные роли, смотря по надобности, и получать нужные сведения.

Никто бы не догадался, что этот скромно

²² Преданная душа (лат.).

одетый, несколько лысый, покорный, тихий стольник является главным орудием примаса, который как бы не знал его, — даже не позволял ему никогда показываться в Ловиче.

Гоженский пользовался значительным доверием у шляхты и никогда не задевал. Его не опасались, потому что никто не подозревал в нем деятельного помощника приверженцев Кондэ...

По отношению к своему покровителю и его друзьям, Цедро казался таким покорным, послушным, мягким, точно сам по себе он ничего не значил и не мог, а между тем, благодаря своей необыкновенной гибкости, он умел незаметно выследить все, что ему было нужно, и направить согласно своему плану панов братьев.

Появление Гоженского в этот час не представляло ничего исключительного: почти ежедневно он являлся к примасу с донесениями и за приказаниями... Присутствие Собесского и Паца, перед которыми у него не было тайн, не мешало примасу конфиденциально переговариваться с своим верным слугой.

Стольник скромно остановился у порога, очень низко поклонился всем по очереди сановникам и ждал.

Примас с видимым удовольствием поглядывал на явившегося, он его явно любил и ценил.

— С чем явился, милый Цедро? — сказал архиепископ своим тихим в мягким голосом. — Quid novi?²³

Гоженский, казалось, минутку раздумывал, бросил вопросительный и многозначительный взгляд на примаса, но получил немой ответ, что может говорить откровенно. Все-таки самый вопрос и колебание предвещали что-то чрезвычайное, и Пражмовский беспокойно зашевелился.

— Quid novi?.. — повторил он.

Гоженский погладил свою лысину, покачал головой и, немного колеблясь, начал:

— Действительно, приношу кое-что новое, — сказал он, — хоть это, может быть, и нелепая болтовня, требующая подтверждения...

Глаза всех с любопытством обратились к говорящему.

— Шляхта в Калишском, Сандомирском и Краковском воеводствах, — продолжал Гоженский, — бродит немножко...

— Ох! — перебил примас. — Она еще будет иметь время перебродить...

Цедро покачал головой...

— Покамест собираются против Кондэ, — сказал он, — только из-за того, что сенаторы и

²³ Что нового? (лат.).

primates regni²⁴ за него... Движение это крепнет...

Примас поморщился.

— А кого же они хотят? — почти с гневом спросил он, — может быть, Лотарингского?

— Вовсе нет, — ответил шляхтич, — они сами не знают, кого поставить... Пяст ксендза Ольшовского немного вскружил им головы.

— Absurdum,²⁵ — проворчал примас, — я не вижу в этом никакой опасности, так как я никогда не соглашусь ни на какого Пяста. Что нам мешает, если они потешатся фантасмагорией? Какой Пяст? Который? Где? — все более возбуждаясь, говорил примас. — Ольшовский — это настоящий turbator chori.²⁶ Я подозреваю даже, что он в шутку рекомендует Пяста, лишь бы прибавить нам забот, так как он отлично знает, что такого нет и быть не может.

Гоженский почтительно молчал и, когда примас, окончивши, умолк, он начал снова:

— При всем том, среди шляхты идет сильная агитация, если не против Кондэ, так как его ни в

²⁴ Первые люди государства (лат.).

²⁵ Нелепость (лат.).

²⁶ Нарушитель хора, расстройщик (лат.).

чем упрекнуть не могут, то против панов сенаторов и старшей братии.

— Вот еще! — горячо отозвался примас. — Старая история; дух противоречия, наваждение сатаны... подрыв всякой дисциплины... всякого повиновения власти, назначенной от Бога... Началось это давно и не скоро кончится... «Равный воеводе» звучит, как лозунг...²⁷

Он помолчал немного.

— Ну, — прибавил он, — правду говаривал этот великий канцлер Замойский, что шляхте нужно накричаться, а потом она скоро остынет. Знал ее в этом отношении и Хмельницкий. Надо дать перебродить, а потом все успокоится и усмирится...

Гоженский не прерывал его, но, когда наступило молчание и глаза примаса снова обратились к нему, спокойно проговорил:

— Не хочу повторять злобных клевет, но они выставляют то, что Кондеуш подкупил-де всех, что он деньгами подбирается к короне, которую он уже заранее, еще при Яне Казимире, подготовил себе.

Собесский и Пац взглянули друг на друга и канцлер Литвы²⁸ стал бормотать что-то себе под

²⁷ Намек на польскую пословицу: «шляхтич на загроде, равен воеводе» (загорода — усадьба).

²⁸ Крыштоф Пац.

нос.

Маршалок, молчавший все время, сказал довольно равнодушно:

— На всех выборах всегда должна была проявиться чья-либо оппозиция, потому что шляхте чуть ли не самое главное иметь случай показать, что она чувствует за собою известное значение. Лишь наш последний государь получил, благодаря казакам unanimatam,²⁹ но и тому пришлось предварительно упросить своего соперника князя Карла, чтобы тот сам уступил ему, сняв свою кандидатуру.

— О Пясте не может быть и речи, — проговорил примас, — боюсь, что это фокусы Лотарингского, который, спутав ходы сопернику, хочет воспользоваться мутной водой... Шаваньяк много хитрее и ловчее, чем многие думают...

Говоря это, архиепископ поднял вверх руку и начал потряхивать головой...

— Лотарингского, — смело сказал Собесский, — вовсе нечего опасаться. Даже его собственный посол считает его дело проигранным...

— В таком случае нет и соперников, — сказал

²⁹ Единогласие.

Пац, — так как Нейбургского я не беру в счет, хотя у нас на Литве, как я слышал, некоторые носятся с ним.

Говоря это, он взглянул на Собесского, не желая называть имени родственников ему Радзивиллов.

— Я ничего об этом не знаю, — возразил Собесский, — но не думаю, чтобы кто-нибудь оказывал ему такую плохую услугу, выставляя на смех его кандидатуру, раз за него никто не стоит...

После короткой паузы Гоженский снова заговорил:

— Мне не впервые видеть панов шляхтичей в сильном возбуждении и воодушевлении, но за всю свою жизнь я еще не помню такого раздражения. И я предполагаю, что на дне всего этого находятся чьи-то дрожжи...

— Чьи же это? — кислым тоном спросил примас. — Лотарингский обнаружил бы себя, а если не он, так кто же еще?

Гоженский помолчал.

— Правда, что говоря о Пясте, — прошептал он, немного погодя, — они не могут указать кого-нибудь и становятся в смешное положение с этим Поляновским.

Все встретили смехом имя этого лихого воина, но малозначительного человека. Гоженский тоже улыбнулся.

— Вероятно, потешным кандидатом является князь Димитрий Вишневецкий, — сказал примас. — В этой семье, впрочем, уже иссякла кровь ягеллонов, а ничем другим они не выделялись.

Говоря это, он пренебрежительно пожал плечами.

— Ни один из наших лучших сановников и панов не взял бы на себя этого бремени, — прибавил он, — потому что все они отлично знают, что им пришлось бы надеть терновый венец, так как все на свете восстали бы против Пяста...

Гоженский терпеливо слушал.

— Все это движение и горячка пройдут, — говорил примас тихим, пониженным голосом, — когда они соберутся на выборном поле... Но кто же вызывает этот задор и кто руководит ими?

Стольник потирал руки.

— Именно в этом-то и заключается трудность, чтобы доискаться начала, — сказал он, — и узнать, кто вызвал это зарево... Полагаю, что оно разгорелось где-то в Сандомирском, но от чьей руки началось, я еще не знаю.

— Это первый случай, — сказал Пражмовский, — что ты не сумел добраться до корня... и по правде, сегодня ты пришел ни с чем...

— Я сам не очень высоко ставлю то, что я вам принес сегодня, — ответил Гоженский, — и я,

может быть, и промолчал бы, но я полагал, что моя обязанность — дать знать и об этом...

— Постарайся же узнать, откуда дует этот ветер, — перебил его примас, — и нечего говорить, что нужно отделять и высмеивать этих крикунов...

Зная манеры примаса, Цедро понял, что эти слова означали конец аудиенции, и поэтому он, раскланявшись со всеми по очереди, также покорно, как и при входе, выскользнул из кабинета...

После его ухода некоторое время царило молчание. Три вождя партии Кондэ, пошептавшись немного, казалось, успокоились. Первым встал канцлер Пац, наклонился к руке примаса, издали поклонился Собесскому и, сопровождаемый до двери, исчез...

По уходе его Пражмовский с большей свободой наклонился к Собесскому.

— Грустно признаваться, — тихо сказал он, — но я не совсем доверяю канцлеру... Правда, он должен действовать заодно с нами, но... но...

Он не закончил. На лице Собесского проскользнула улыбка и он покрутил свои усы.

— Я тоже не доверяю Пацам, — ответил он, — но в Литве, этого нельзя отрицать, они достигли значения и силы. Они очень пошли в гору.

— Но, ведь с Радзивиллами они не могут

тягаться? — возразил примас.

— И тем не менее всюду, где могут, они подставляют им ногу, — говорил Собесский. — Раньше или позже у них дело дойдет до борьбы.

— Пока что, нужно их беречь! — закончил примас. Собесскому надо было в тот же день вернуться в Варшаву и потому он тотчас после этого краткого разговора попрощался с примасом.

Гетман и маршалок, один из наиболее видных и деятельных сановников того времени, Ян Собесский, которому не давала покоя жена, действовавшая с еще большей горячностью, непрерывно суетясь и хлопоча, принадлежал к числу выдающихся вождей партии Кондэ или вернее, того кандидата, какого Франция хотела бы посадить на польский трон.

В данную эпоху это была еще туманно обрисовывающаяся фигура, которой тщеславие и жадность его жены, Марии Казимиры придавали ложное освещение.

Злополучная судьба хотела, чтобы этот превосходный и замечательный во всех отношениях человек, сохранивший наряду с западным воспитанием и лоском неизгладимый тип польского шляхтича, слишком рано влюбился в очаровательную воспитанницу королевы Марии-Луизы.

Красивая, но бессердечная француженка,

принесшая сначала в жертву Собеского Замойскому, ради его богатства и положения последнего, согласилась потом, не выказывая особой любви, выйти замуж за первого же наиболее подходящего поклонника, зная, что он будет послушным орудием в ее руках.

Первые годы этого брака, когда жену маршалка можно было обвинять чуть не в уходе от мужа, были страшным испытанием, которое должен был выдержать до сумасшествия влюбленный муж... Требовательная, ненасытная, капризная, прекрасная Марысенька оказала сильное и пагубное влияние на слабохарактерного Собеского. Только каким-то чудом этот знаменитый военачальник там, где дело касалось служения Речи Посполитой, не давал собой командовать, даже этой всемогущей пани...

Но в ту эпоху, когда начинается этот рассказ, несмотря на то, что он был гетманом и маршалком, то есть, стоял на самой высокой ступени государственной иерархии, — еще нельзя было поручиться, что красавица Марысенька не прикажет ему продать все и убраться с нею во Францию. Путешествие туда и пребывание там Собеской, может быть расхолодили ее и убедили, что лучше быть гетманшей в Польше, чем одной из множества маркиз или графинь на берегах Сены...

Стесненный непомерными расходами жены,

Собесский, как гетман и маршалок, кроме всего часто должен был из собственного кармана и войску платить, и одарять подарками послов, так что, например, после отъезда татарского посла он даже писал, что пришлось пожертвовать последним серебряным кувшином с ковшом, поэтому теперь он был поглощен заботами, главным образом о деньгах... Это ему обещали во Франции и на эти деньги очень рассчитывали, как гетман, так и его жена.

Оба они, а в особенности сама пани Собесская, имели из-за ее характера больше врагов и завистников, чем преданных себе людей... Это делало жизнь трудной, потому что надо было во всем поступать с большой осмотрительностью.

Даже те, кто шел в тесных рядах партии Кондэ, под предводительством Примаса и Собесского хотя по виду были в самых лучших отношениях с ним, втайне завидовали и вредили ему.

Богатая семья Пацев, три корифея которых соперничали в блеске с самим Радзивиллом и их родственниками Собесскими, лишь снаружи прикрывали свою ненависть к гетману.

В высшей администрации тоже мило улыбались им, но осуждали их и старались за углом вредить им. Всему этому виной была Мария Казимира, гордость и самоуверенность которой

настраивали враждебно и отталкивали всех...

Собесский, который был создан скорее для лагерной и семейной жизни, чем для запутанных интриг, в которые его втянула жена, вертелся, как истинный мученик, в этом огне; служебные обязанности гетмана заставляли его следить за безопасностью страны, поддерживать выборы непопулярного кандидата, наконец, нужда — хозяйничать в обширных поместьях, где он строился, рассаживал тюльпаны и деревья и даже кареты должен был сам заканчивать дома под своим личным наблюдением.

Влюбленный в женщину, которая показывала нежность только тогда, когда ей нужно было чего-нибудь добиться, заваленный различными делами, Собесский не имел времени даже передохнуть.

Марысенька была безгранично требовательна, а он покорен вплоть до утраты собственной воли...

Бессильный перед женщиной, к которой его привязывали больше темперамент и чувственность, чем душа, гетман был неизмеримо талантливее и образованнее, чем та женщина, которая им командовала.

Жажда знаний и научных занятий, любя книги, предпочитая больше всего общество людей ученых, будучи отличным стратегом и гетманом, он стоял на высоте эпохи, в которой жил, но обладал

также и всеми слабостями, пороками и недочетами того времени. Непомерным стремлением к наживе и деньгам заразила его жена; поэтому продажа родной короны герцогу Кондэ не казалась ему преступной продажностью, а лишь нормальной коммерцией, при которой можно было торговаться.

Этот французский кандидат, известный стране только из того, что о нем сообщали его сторонники, у шляхты и в войске был самой непопулярной личностью, так как французы надоели еще со времен Яна Казимира и Владислава, а возраставшее самомнение французов все более вооружало против них.

Начиная с париков, которые называли «пудлами», и кончая чулками, башмаками, манжетами и жабо — все в них казалось смешным. Предпочтение, какое сказывалось им при дворе, и подражание их обычаям в панских кругах лишь увеличивало это нерасположение. Кровавым образом подшутить над французом было самым приятным развлечением для шляхтича.

Итак, Кондэ вовсе не привлекал к себе сердца, а самый способ, каким издавна подстраивалось это подчинение Польши верховенству и владычеству Франции, лишь усиливал это отвращение...

Раньше осуждали сторонников француза за то, что вопреки основным законам они хотели его выбрать и провозгласить еще при жизни Яна

Казимира, а теперь не соглашались на его кандидатуру уже потому, что-де уговоренный, вынужденный, обманутый Казимир отрекся от престола лишь для того, чтобы освободить место этому французу.

Отсюда можно было ожидать оппозиции, но паны слишком надеялись на свое могущество и влияние, чтобы бояться ее. За шляхтой издавна установилась слава, что она громко кричит, горячо кидается, но скоро остывает и, пороптавши против Сената, послушно идет за ним.

Гетман, вернувшись из Ловича, заехал прямо в дом, который он занял, не имея возможности или, вернее, не желая силой занимать цейхгауз, полагавшийся ему, как квартира на время сеймов и выборов. Этот двор и два соседние с ним, вместе с кухнями, конюшнями, флигелями и другими службами, еле могли вместить, и то со стеснением и при некоторых неудобствах, красавицу Ма-рысеньку и деятельного гетмана.

Несмотря на бережливость, Собесские не могли уклоняться от требований, предъявляемых к их высокому положению; гетман любил торжественные выступления, а для Марии Казимиры составляло необходимость блистать и занимать первое место.

Двор с кортежем, который привел с собой Собесский, доходил до нескольких сот человек. Не

хватило конюшен для размещения лошадей, много людей расположилось по постоянным дворам и всяким другим закоулкам.

Один дом весь занимала для себя лично жена гетмана; у нее, когда она была дома, никогда не переводились гости обоего пола. Сюда стекались и отсюда расходились всякие новости и лозунги.

Но это было ничто в сравнении с канцелярией и апартаментами Собесского, где толпа не расходилась. Ежеминутно прибывали курьеры, ежеминутно также отправляли их. Несколько десятков писарей еле хватало на писание писем и переписку донесений... Начальство с трудом поддерживало порядок. Теснились военные, проталкивались штатские, втирались евреи...

Стража одних молча впускала, других без милосердия выталкивала.

Сам гетман должен был делить себя между гостями и канцелярией...

Но это была странная натура. Собесский никогда не чувствовал себя ни сильным, ни здоровым, каждый день жаловался и в то же время был способен вынести и бессонницу, и напряженную работу, и непрерывное возбуждение. Редкий день Собесский обходился без совета какого-либо лекаря или подлекаря, и в то же время он с юношеским увлечением по целым дням скакал на охоте, ночевал в лесах и без отдыха совершал

спешные поездки... Часто также старые друзья заставляли его выпить вечером больше, чем следует, за что на следующий день он должен был расплачиваться.

И в этот день возвращение гетмана приветствовала кучка ожидающих его людей из его поместий и из войск, которые приехали из разных концов страны, так что ему не дали даже переодеться, а тут уже не раз открывались двери, и посыльные пани гетманши звали его как можно скорее к ней.

Поздороваться с Марысенкой было для него важнее всех неотложных дел.

Она ждала его не одна, а среди блестящей группы дам и светской молодежи. В освещенных комнатах уже издали слышался веселый говор; в маленьком зале кружком сидели нарядные дамы, занятые оживленными разговорами со стоящими перед ними, большей частью молодыми господами. Все были, за немногими исключениями, во французских костюмах и париках.

Среди дам госпожа Денгоф, с черными, выразительными, подвижными глазами, громче всех разговаривала и смеялась, смелее всех высказываясь, хотя каждое даже незначительное восклицание ее вызывало чуть заметное дрожание губ и бровей на красивом лице хозяйки.

Марысенка, уже извещенная о возвращении

мужа, ожидала его, нетерпеливо помахивая веером, у боковой двери маленького, зала, через которую он обыкновенно появлялся...

Еще удивительно свежая и молодая, несмотря на значительное число прожитых лет и перенесенных болезней, гетманша отличалась блеском своего очарования среди многочисленного букета красивых лиц, окружавших ее. Холодом и гордостью веяло от нее, но классическая правильность черт лица, необыкновенный нежный и белый цвет лица, полные огня глаза — придавали ей величие победоносной, торжествующей красоты. Она ничем не привлекала, даже скорее вызывала, может быть, какое-то беспокойство, хотя не трудно было угадать, что, постаравшись быть милой и обворожительной, она могла покорять сердца и царить над ними.

Женщины все, без исключения, незаметно обращали к ней глаза, но смотрели опасливо и недружелюбно. Она, однако, вовсе не старалась никому нравиться, за исключением нескольких господ, для которых она на время смягчала выражение своего лица. А когда она обращалась к другим, то лицо ее тотчас же принимало свое обычное деспотическое выражение.

Глаза госпожи Денгоф, которая беспрестанно то наклонялась к кому-нибудь, то подзывала к себе кого-либо и, по-видимому, весьма оживленно

разговаривала, не отрывались от лица хозяйки.

Из их скрещивающихся взглядов даже посторонний мог угадать натянутые отношения, дружественные лишь по внешней необходимости, а внутренне полные взаимной антипатии.

Госпожа Денгоф не могла, да и не думала, состязаться с нею из-за Парисова яблока за первенство в красоте, но обе они боролись из-за влияния и значения, из-за роли в политических интригах, в которых обе принимали деятельное участие.

Вынужденная щадить госпожу Денгоф, прекрасная Марысенька иногда напоминала рысака, грызущего железные удила.

Собесский тихими шагами подошел к двери, задрапированной гобеленовыми портьерами, где его ожидала жена со сдвинутыми бровями и с недовольным выражением лица. Он шел к ней, весь охваченный радостью, посылая воздушные поцелуи, и опустился бы, может быть, на колени перед своим божеством, если бы не боялся этим навлечь на себя его гнев.

Марысенька не позволила ему приблизиться к своим губам, отдернула от его губ свою белую ручку и сдвинула брови:

— Ты оставил меня одну на весь день, — начала она, нисколько не трогаясь при виде мужа, пожиравшего ее глазами, — ты по-пустому

проводил где-то время, забывая о том, сколько лиц здесь ожидают тебя. Египтянка, — понизив голос, выговорила она, — сегодня так весела и щебетлива, что я подозреваю, что она нам устроила какую-то пакость. Она не закрывает своего рта и все жалит. Видел ли ты Варденского, привез ли он денег? Я не знаю. Арендатор, как мне говорили, за аренду нагрузил воз одних лишь боратынков.³⁰ Не надо бы их принимать.

— Ах, божество ты мое, — прошептал Ян, — нам так нужны деньги, что я вынужден брать хотя бы боратынками.

Мария Казимира повела плечами.

— Опять убыток. Один лишь меняла Аарон выгадает на этом... Воспользовавшись минутою задумчивости жены, Собесский невзначай схватил ее ручку и запечатлел на ней горячий поцелуй.

— Как поживает Фанфеник?

— Здоров, но кричит несносно и уже такой же упрямый, как и отец, — ответила гетманша.

— Упрямый? — улыбаясь, спросил муж.

— Деспот! — отвечала Мария Казимира. —

Для вида ты меня всегда успокаиваешь

³⁰ Медная монета ценностью 1/3 гроша, чеканившаяся при Яне Казимире. Названа так по имени монетчика XVII века — итальянца Боратини.

послушанием, чтобы отделаться, а потом делаешь по-своему.

Гетман вздохнул.

— Имеешь какие-нибудь распоряжения для меня?

— Будь любезнее с египтянкой (Денгоф), а то она догадается, что я жаловалась на нее, — прошептала хозяйка и, отойдя от двери, ввела мужа с собой.

Лицо пана гетмана, которое для жены было ласковым и точно растроганным, уже у порога облеклось сановной важностью, и в то же время спокойствием. Он хотел показать, что не имеет никаких забот и очень доволен всем ходом дел.

Господа, которые занимали нарядных дам, увидев его, по очереди стали подходить к нему и здороваться, а гетман приветствовал всех так свободно, с такою барскою простотою, точно среди них не было ни одного лицемерного или сомнительного друга.

Среди других был здесь и молодой Михаил Вишневецкий, только не с Пацем, а со своим зятем Любомирским, и занимал очень второстепенное место в сторонке, несмотря на свою молодость, наружность, имя и род.

Уже не первой молодости, очень нарядная и вся осыпанная драгоценными камнями, вдовствующая княгиня Радзивилл занимала его

своим разговором.

Другие дамы с презрительным сожалением посматривали на молодого человека, который не имел за собой ничего, кроме воспоминаний о несчастном отце и своего миловидного лица. Никто им здесь не интересовался, а княгиня Радзивилл лишь потому его занимала разговором, что никого другого более подходящего для беседы не имела. Вишневецкий тоже видимо чувствовал себя не на своем месте и лишь вынуждаемый необходимостью оставался здесь.

Когда Собесский приблизился, он подошел засвидетельствовать хозяину дома свое почтение, но гетман едва приветствовал его небрежным кивком головы, как бы мимоходом, и отошел в сторону с Любомирским. Шел общий оживленный разговор о Яне Казимире и его щедрых подарках своим друзьям. Завидовали ему относительно Уяздова, но слухи об экс-короле были самые разноречивые: одни утверждали, что он уже сожалел о своем отречении от престола, а другие, что он радовался своему шагу и много надежд возлагал на спокойное безмятежное пребывание во Франции, где король якобы обещал ему пожалование аббатств и пенсий.

С усмешкой пересчитывали всех тех, которых он взял с собой или же отправил вперед.

— Я не поверю, чтобы ему не было скучно без

нас, — говорил воевода киевский; — во всяком случае, мы его любили, а он к нам привык. И сами французы не смогут быть более приятными.

— Ах, — прервал его коронный полевой писарь, — с тех пор, как он женился на покойной королеве, никто его не видал танцующим, а в Кракове, представьте, он разошелся, вспомнил старину и был вообще в очень хорошем настроении.

— Во всяком случае, — вмешался саркастически воевода русский, — Польшу и поляков он ругал все время и решительно ни о ком из нас не сказал ни одного доброго слова.

— У Яна Казимира это все было не что иное, как минутное раздражение, — прервал его опять киевский воевода, — он каждого легко мог полюбить и также легко разлюбить; душа у него была добрая, но он больше действовал под наитием минуты. Многое ему следует простить, так как он во всю жизнь не знал ни в чем счастья.

После этого случайного общего разговора все общество снова разделилось на небольшие группы, и в каждой из них потихоньку начали обсуждать то, что на тогдашнем языке посвященных называлось гиацинтами, то есть будущие выборы короля (элекцию).

Так как все собравшиеся были за герцога Кондэ, то о его соперниках говорили без стеснения.

Нейбургский не имел за собой ни малейших шансов на то, чтоб к его кандидатуре отнеслись серьезно; дела Лотарингского тоже были неважны, хотя опытность и ловкость его посла Шаваньяка заставляла всех быть настороже.

Со всеми он был в слишком хороших отношениях, слишком чистосердечно он перед всеми признавал себя побежденным, чтоб ему в этом можно было поварить. Госпожа Денгоф утверждала, что несомненно Шаваньяк не проведет своего государя к короне, не имея вовсе денег или имея их очень мало, но что во всяком случае другим он с большим успехом может с своей стороны затруднить достижение ее.

— Что он от этого выиграет? — спросила хозяйка дома.

— Будет иметь, по крайней мере, в свое оправдание, что и другим также не повезло, как и ему, — возразила госпожа Денгоф.

Тут Морштын референдарий,³¹ которого по его внешности и выговору можно было принять за подлинного француза, начал говорить несколько цинично, но как бы полушутя:

— Нетрудно Шаваньяку оправдаться в своей неудаче, для этого стоит лишь показать свой пустой

³¹ Докладчик канцлера.

кошелек. Что в наше время делается без денег? Лотарингский хотел бы быть избранным в кредит, но кто же может нам за него поручиться, что он впоследствии оплатит свои долги?! Ведь самая дешевая из всех элекций, а именно последняя, обошлась в полтора миллиона князю Карлу, который никогда не мог забыть этой потери. Шаваньяк, когда ему придется стать перед лицом Сейма и рекомендовать своего кандидата... не знаю, каким образом он раздобудется для этого приличной кавалькадой и кортежем. Жаль мне его беднягу, так как, вообще говоря, он человек очень милый и практичный.

— Князь Лотарингский, — прибавил кто-то со стороны, — сначала рассчитывал на содействие короля французского.

— И совсем напрасно утруждал себя, — шепнул коронный хорунжий.

Гости во время этого разговора начали понемногу расходиться; Любомирский уже прощался с хозяйкой дома, которая едва соблаговолила взглянуть на его спутника князя Михаила.

Как это всегда бывает, не успели двери закрыться за ними, как уже они стали предметом злостных замечаний.

— Князь Михаил, — отозвалась хозяйка, — должно быть, очень оплакивает смерть сына нашей

королевы, которая питала к нему слабость. Однажды я слышала, как она шутя предсказывала, что этот юноша когда-нибудь станет королем.

Все гости безудержно громко засмеялись, так всем это показалось чем-то до уродливости странным.

— Лишь в голове такого чуждого нашему свету человека, как епископ холмский, — сказал Морштын, — могла зародиться в настоящее время мысль посадить Пяста на трон. Никогда это не осуществится, потому что в таком случае все государство несомненно распадется, страна возмутится, и начнется брожение и междоусобные схватки.

— Королева Мария питала слабость к князю Михаилу, когда он еще был мальчиком, — продолжала гетманша, — но она не предвидела, что из этого довольно смазливого мальчика так непредвиденно вырастет такое холодное деревянное существо. Я его никогда не видела веселящимся по-молодому.

— Невозможно от него требовать, чтоб он тешился, когда нечем, — произнес референдаций. — Каждый день приходится ему слушать жалобы матери и смотреть на ее заботы о расстроенных поместьях; в доме у них терпят почти нужду. Недавно я встретил в дороге княгиню Гризельду. Ехала она в допотопном облезлом возке,

лошади худые, ливреи на челяди выцветшие и устарелые. От кредиторов она не может отбиться.

— *Nous en ferons quelque chose!*³² — вставила, хозяйка дома, поглядывая на супруга, который покручивал свой ус и молчал.

Женщины начали довольно откровенно говорить о князе Михаиле, каким он каждой из них казался и насколько нравился. Все почти находили его сносным, но ни наружность его, ни отборное воспитание не привлекали к нему ничьих симпатий.

Госпожа Денгоф находила его холодным и слишком несмелым:

— Много бы он выиграл, если бы смелее выступал.

— Бог мой, — прервал шутливо Морштын, — чтобы быть смелым, нужно быть сытым и чувствовать, что в кошелке полно, а у бедного князя Михаила как раз нет ни того, ни другого.

— Любомирские должны же его чем-нибудь сделать, — сказал коронный хорунжий. — Время еще не ушло, ему, ведь, самое большее лет под тридцать. В крайнем случае, он может вернуться к императорскому двору, где, как я слышал, его очень ценили, — добавил Морштын.

— Ни Любомирские, ни князь Дмитрий не

³² Мы из него кое-что извлечем! (франц.).

допустят до этого, — шепнул хорунжий.

При упоминании о князе Дмитрие Вишневецком, с которым Собесский был почти в открытой войне, на лице его промелькнуло выражение какой-то презрительной гадливости, и разговор на этом оборвался.

Остальные гости прощались с гетманшей и гетманом, который галантно провожал дам до экипажей, говоря им любезности.

Когда он возвратился в зал, надеясь застать там жену, ее уже не было тут, и он скорым шагом пошел за нею в ее кабинет.

Мария-Казимира сидела в кресле, а вызванная ею служанка, смуглая, обветренная, некрасивая француженка с кислым выражением лица, занималась расчесыванием волос своей госпожи и приготовлением ночного туалета.

Вид Пьеретты, которую он здесь не ожидал застать, немного раздражил гетмана: при ней он не мог дать воли своей накопившейся нежности, выражающейся в ласках и поцелуях. Можно было заподозрить довольно утомленную и холодную даму в том, что она нарочно поспешила позвать служанку именно для того, чтобы держать мужа на дистанции.

Какие чувства она питала в этой фазе своей

супружеской жизни к своему Ясеньку,³³ о том она одна только, может быть, знала. Гетман не мог похвалиться никакими проявлениями ее нежности; напротив, всегда как-то выходило, что даже ему не разрешалось быть очень назойливым.

Вот и на этот раз Орондат не мог говорить с Астреей³⁴ ни о чем другом, как только об общественных событиях или же о личных делах, которые особенно интересовали пани гетманшу. И не без основания, так как все, чем Собесский владел, юридически уже принадлежало жене в силу передачи ей в собственность или в пожизненное пользование.

Следила она за этим так хорошо и напоминала об этом так настойчиво, что влюбленный Орондат должен был подчиняться, и все документы о дарении, завещании, предоставлении в пользовании были уже выполнены.

Кроме забот о себе самой, у Марии-Казимиры были еще отец, брат и сестра, о которых она также заботилась.

Гетман, который командовал войсками Речи

³³ Уменьшительное от «Ян» (Собесский).

³⁴ Астрея, как и Селадон, действующие лица популярного тогда французского романа д'Юрфэ под загл. «Астрея».

Посполитой и вместе с примасом пользовался наибольшей властью в королевстве, покорно выслушивал приказания, какие ему давала жена. Ни одна мелочь не ускользала от ее внимания и памяти. Она повторила ему, что он должен приказать управляющему своих поместий, Вар-денскому, как отпустить арендатора калишского поместья и как воспользоваться услугами пронырливого Аарона...

Разговор затягивался. Несколько раз Пьеретта собиралась уходить, но всякий раз госпожа останавливала ее. Гетман сидел упрямо, желая дождаться, когда они останутся вдвоем.

Вдруг Мария-Казимира встала, взглянула на бронзовые часы, стоявшие на камине, зевнула несколько раз и категорически заявила служанке, что она сейчас ложится, намекая мужу, что ей желательнее остаться одной.

Гетман забормотал какую-то покорную просьбу, но получил такой резкий отпор, что, не решаясь повторить ее, он подошел уже исключительно, чтобы откланяться, и при этом у него вырвался тяжелый вздох. Мария-Казимира нетерпеливо сократила свое прощание и, обращаясь к служанке повелительным тоном, поспешила к ложу, посланному под пологом. Собесский бросил на него тоскливый взгляд и замедленным шагом вышел, как изгнанный из рая.

IV

Оживленное движение, какое царило в Варшаве в предвыборное время, почти совсем не доходило до мирного домика на Медовой улице. Отголоски его приносил с собой только князь Михаил, который и сам так мало интересовался общественными делами, что даже матери не мог приносить достаточно подробных сведений о них.

Немного апатичный, угнетенный своей бедностью и положением, которые не давали ему никакого веса, он, хотя почти ежедневно бывал у Любомирских, у Браницкого, у князя Дмитрия, но нигде не принимал участия в том, что других так сильно захватывало.

Привязанный к матери, он лишь сердился на всех, кто нарушал ее спокойствие, и тогда он выходил из себя чересчур резко, а собственно говоря, ему было безразлично, кто станет королем, и как потом переформируются те силы, которые начнут бороться между собою из-за фактической власти.

После каждого возвращения домой, он шел развлекать свою мать рассказами о том, что слышал и видел среди того мира, от которого она хотя и удалялась, но о котором все-таки хотела знать, что в нем происходит.

Так, побывав у гетманши, он тоже должен был вечером повторить княгине Гризельде обрывки тех разговоров, которые доходили до его ушей. Собесские не принадлежали к любимцам старушки, которой гетман докучал процентами и напоминаниями о неоплаченных долгах, которые лежали на владениях покойного Иеремии, и, наконец, своей явной враждебностью к князю Дмитрию и заключительной явной ссорой с ним.

Особенно не любила она «француженку», все недостатки и черты характера которой она знала и угадывала превосходно. То влияние и значение, которое Собесские приобрели за последнее время, ее беспокоило и огорчало.

После каждого рассказа своего сына, княгиня Гризельда, хотя и не выказывала ему того, что она чувствует, сама становилась все грустнее и грустнее. Ни Любомирские, ни Вишневецкие ничего хорошего не могли ждать для себя от Собесских.

На другой день, когда князь Михаил уже давно ушел, а княгиня-мать сидела одна со своей Еленой, ведя с нею разговор, прерывающийся очень долгими паузами, вдруг послышались приближающиеся медленно чьи-то шаги от передней. Зebжидовская привстала с своего сидения, старушка подняла голову, а на пороге появился уже пожилой, но бодрый и живой

мужчина, в костюме мирского духовенства, с черной пелериной на плечах... и глубоким поклоном поздоровался с княгиней, приветствуя ее обычным:

— Да будет восхваляем Иисус Христос.

Княгиня с просветлевшим лицом встала навстречу ему, а Елена, поцеловав руку, повела его к креслу, которое стояло перед столиком и обычным сиденьем хозяйки дома. Лицо ксендза не отличалось большой тонкостью черт, было выразительно и крупно очерчено, но вместе с тем, своею простотой привлекательно и симпатично. Несмотря на возраст, много жизни было в этих чертах, на которые почтенность духовного сана наложила какой-то отпечаток величия. Это был ксендз Фантоний, кустодий³⁵ варшавский, старый друг дома Вишневецких, который, несмотря на свое итальянское происхождение и фамилию с детства жил в Польше и превратился из итальянца в поляка. Прежние и новые связи давали ему свободный доступ во все именитые дома, а независимость, так как ксендз кустодий считался довольно богатым, давала ему возможность вращаться среди аристократии тем свободнее, что Фантоний не

³⁵ Католический священник, заведующий кафедральным собором, — настоятель кафедрального собора.

нуждался в ней, так как не был честолюбив и даже митры не думал добиваться.

Ставши кустодием почти против своего желания и устроившись довольно удобно в каменном доме, который назывался Кустодией, где он размещался чересчур просторно, он не желал ничего большего: духовные обязанности при коллегии, поддержание знакомств в обществе и чтение, которое он любил, были вполне достаточны ему для заполнения его жизни. Близкой семьи у него не было.

Имея чувствительное сердце, он питал особое почтение к княгине Гризельде, которая заслуживала этого вполне своим характером и судьбой. Энергия, с которой она сопротивлялась всем превратностям и ударам судьбы, возбуждала в нем удивление и преклонение.

Видя ее всеми покинутой, кустодий считал своей обязанностью ее проведывать. Он любил и уважал тоже Елену, которая сумела посвятить себя заботам о названной матери, не давая никому почувствовать свою жертву, делая это весело и легко. Наконец, занимал его и князь Михаил, в котором он хотел пробудить больше жизни и веры в себя, заменить его апатию, столь несоответствующую его возрасту, более активным участием в делах общественных. Но молодой Вишневецкий, несмотря на кажущуюся мягкость

характера, противостоял его влиянию. Даже матери, которой он был во всем послушен, не удавалось переделать его характера.

Среди задушевного разговора с матерью, когда упоминали о князе Михаиле и мать жаловалась на его равнодушие, ксендз Фантоний утверждал, что, очевидно, не настал еще момент, и не пришли еще те обстоятельства, которые могли бы его вывести из такого состояния оцепенения.

— Предпочитаю эту запоздалость в князе Михаиле, — сказал кустодий, чем излишнюю скороспелость и аппетит к жизни, на который уходят лучшие силы иной молодежи; а князь Михаил, когда пробьет час, вступит на свой пост со всей силой и с тем запасом жизни, какой он унаследовал от отца.

Княгиня Гризельда со вздохом ответила: — Дай-то, Бог!

От внимания матери все-таки не могло ускользнуть, что Михаил выходил из апатии лишь тогда, когда речь шла об изысканной одежде и роскоши, которою он любил себя окружать, или, наконец, о тонких блюдах, которые он слишком смаковал.

К иным житейским делам он был так холоден, как будто они были для него совсем безразличны. Честолюбие трудно было в нем пробудить. Не имея никакого занятия, он иногда охотно брал в руки

книги, но затем бросал их, не чувствуя потребности вернуться к ним.

Даже те юношеские дружеские отношения, которые в возрасте князя Михаила легко завязываются и многому в жизни потом помогают, не привлекали князя Михаила; у него было много хороших знакомых, но постоянных интимных друзей он не знал.

Одна лишь Елена пользовалась его полным доверием, и ей он поверял все, все свои самые сокровенные мысли и переживания.

Мать, зная о его братской привязанности и о влиянии Елены на сына, часто прибегала к ее помощи, когда сама чего-нибудь не хотела ему посоветовать или приказать.

Ксендз Фантони (так была его фамилия по-итальянски) пришел к княгине, как всегда, с некоторым запасом новостей. У него они получали другой характер, чем им придавали в тогдашнем легкомысленном свете, так как священник охотнее им придавал хороший, чем дурной смысл.

— Уже многие съезжаются на выборы; правительственный павильон уже сооружен и поставлен... Воеводства и земли размечают свои прежние стоянки. Можно ожидать, что выборы будут оживленные, — начал рассказывать кустодий ксендз Фантони. — В Варшаве даже для господ сенаторов почти уж не хватает мест. Они приводят

с собою многочисленные дворы, хотя не думаю, чтобы им понадобилась охрана, так как никаких схваток, как это бывало раньше не предвидится. Франция слишком могущественна, чтобы после таких усилий не быть уверенной в победе.

— Вы так думаете? — спросила княгиня Гризельда.

— Я почти уверен в этом, — продолжал ксендз Фантони, — самое лучшее доказательство, это то, что император, который в силу традиций должен был бы интересоваться этими выборами и принимать в них активное участие, совсем не вмешивается в них...

— Да, ведь императорским кандидатом является герцог Лота-рингский, — сказала княгиня Гризельда, — и я слышала, что на случай, если ему повезет, для него уже держат в запасе эрцгерцогиню.

Кустодий рассмеялся и добавил тихо:

— Tu, felix Austria, mibe!³⁶ Да, — продолжал он, — это уж такой обычай...

— Представьте же себе, — понижая голос проговорила княгиня Гризельда, наклоняясь к гостю, — что посол Лотарингского старался склонить моего сына на свою сторону...

³⁶ А ты, счастливая Австрия, вступаешь в брак (лат.).

Она пожала плечами.

— Михаила так мало интересуют эти выборы, — продолжала княгиня, — что часто трудно уговорить его быть в курсе всего происходящего, и если бы Любомирский не приносил мне кое-каких сведений, я бы совсем ничего не знала.

— Выборы, — ответил кустодий, — стряпаются у нашего ксендза примаса и у гетмана Собесского. Этим двум могучим силам ничто не может противостоять.

Княгиня Гризельда медленно подняла свои выцветшие, заплаканные глаза на Фантония.

— Вчера, — сказала она, — был у меня старый слуга Иеремии, сандомирец, возвратившийся теперь на свое пепелище. Рассказывал он мне удивительные вещи, которым я, впрочем, не придаю значения; он говорит, будто бы шляхта собирается стать стеной против магнатов и не допустит «Кондеуша».

Ксендз Фантони добродушно рассмеялся.

— Уличная болтовня! — воскликнул он. — Шляхта во время каждого выборов становится на дыбы против старшей своей братии, но ее очень легко успокоить и приобрести ее расположение... Ей, ведь, нечего бояться Кондэ... И, собственно говоря, кого они могли бы и хотели бы избрать? Для них так же хорош Кондэ или Лотарингский, как